Дмитрий Янковский

*Операции
«Караван»*

продолжение цикла «Охоты»

Дмитрий Янковский

Операция «Караван»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805468

ISBN 9785447461416

Аннотация

После ряда неудач Андрей Вершинский, основатель первого в мире отряда, противостоящего биотехнологическим тварям глубин, отчаялся вернуть океан человечеству. Но неожиданно судьба свела его с человеком, полностью поменявшим его представление о войне в океанских глубинах. Новое оружие, новые друзья и союзники вывели Большую Охоту Вершинского на совершенно иной уровень. Теперь охотников не остановят ни разумные ракетные платформы, ни высокоскоростные живые торпеды, ни человеческая глупость.

Содержание

Часть первая. Альбинос	5
Глава 1. Случайная связь	5
Глава 2. Канцелярская крыса	25
Глава 3. Вне закона	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Операция «Караван» продолжение цикла «Охотник»

Дмитрий Янковский

Он не знал ни покоя, ни страха

Да и что в этом мире покой?

Расстояние от шеи на плахе,

До момента начала кривой.

Олег Канаев

© Дмитрий Янковский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Альбинос

Глава 1. Случайная связь

У меня не было задачи напиться. В бар на окраине города я приходил с другой целью, но пока мне ни разу не удавалось ее достичь. В этом не было ни моей вины, ни чьей-то еще, просто так складывались обстоятельства.

На самом деле те, кого я искал, были редкой дичью. Для выполнения задуманного мне нужна была команда, состоящая не из отморозков, как говорил Алекс, а из людей очень особого склада.

Отморозки хороши для формирования банды лесных разбойников, а мне нужны были хоть и смельчаки, но не доводящие храбрость до безрассудства.

Более того – смельчаки думающие. Инициативные, но готовые подчиняться приказам. Физически крепкие – да. С некоторым боевым опытом – несомненно. Но главное это должны быть люди, которым нечего терять, которые сознательно готовы и хотят коренным образом поменять свою жизнь.

Конечно, я искал их не только в баре. Но меня не покидала идея, что судьба просто обязана приводить таких людей в бар. Рано или поздно. И я ждал, пребывая в твердой уверенности, что смогу отличить нужного мне человека в любой толпе.

Иногда, вместо тех, кого я искал, на меня реагировали продажные женщины. У них чутье. Они видели в моих глазах отчаяние одиночки и искру поиска. Видимо этого было достаточно для начала контакта.

– Привет! – Ко мне за столик изящно под села смуглокожая брюнетка с раскосыми глазами и шикарными формами.

Одежда на ней, по случаю начала сезона дождей, была вполне пуританская – легкая куртка поверх топики и яркие акриловые штаны в обтяжку. Но во взгляде читался весь перечень услуг, который она готова была предложить. Все вроде бы как обычно.

– Привет, – ответил я с напускным равнодушием.

Однако сердце забилось чаще. И отнюдь не от пышности ее форм. Нет, у меня сработало боевое чутье и начало подавать сигнал об опасности. Пока я еще не понимал откуда она может исходить, а потому решил потянуть время.

Женщина усмехнулась.

– У тебя забавный акцент, – сказала она.

– Русский, – так же равнодушно ответил я.

– Ого! В жизни не видела русского! Говорят у вас такие...

Настало время мне многозначительно усмехнуться. Но она решила не развивать тему. Тоже странно. Опыта мало?

– Что же ты делаешь на Суматре? – весело спросила незнакомка.

– Прижился, – пожал я плечами.

Глупо все. Зря я напрягся. Все как всегда. Стандартные фразы, затем последует стандартное предложение. Да и цена будет вполне стандартной. И последствия тоже, как правило, бывают стандартные, изживаемые не слишком тяжелыми антибиотиками.

Это как правило. Но я больше был склонен к риску другого рода, и услуги проститутки мне были без надобности. Можно было без лишних эмоций послать ее к дьяволу, и я уже открыл было для этого рот, но тут заметил, что девочку пасут трое.

Для меня это красноречиво говорило о том, что она такая же проститутка, как я – монах-францисканец. Не бывает у проститутки троих сутенеров.

Да и троих охранников быть не может – слишком накладно. Обычно бывает один, который просто пасет и не вмешивается. А если что пойдет не так, разборки начнутся позже.

Я не спеша набрал номер на коммуникаторе и вызвал Алекса.

– Немного задержусь, дружище, – произнес я в микрофон.

– Валяй, – ответил Алекс с усмешкой в голосе.

Это был кодовый обмен фразами. Один из нескольких вариантов. Он означал, что в течение тридцати минут Алексу надлежит прибыть на улицу, где расположен бар и смотреть, чтобы со мной не произошло ничего особо дурного.

– Пригласил бы приятеля, – интригуяюще протянула проститутка. – У меня есть подружки.

– С подружками сам разберусь, – произнес я тоном бывалого жеребца. – Пойдем.

Соглядатаи напряглись, но никто из них не поднялся. Грабители? Ловят на девочку, как на живца?

Возможно. По мне, в принципе, видно, что деньги водятся, а значит могут быть и в карманах. Иначе чем вызван их интерес? В этом крошечном городке на юге Суматры простой люд интересовался только средствами к существованию. А сложного люда здесь отродясь не жило.

Но я лгал сам себе – были и другие варианты. Например, меня могли тут заприметить. А потом у тех, кто заинтересовался моей персоной, могло возникнуть вполне объяснимое желание побеседовать лично.

В этом случае ловля на живца имела смысл, ведь как-то иначе выдернуть меня с базы оказалось бы весьма затруднительным.

Если так, то это везение. Ничьим вниманием в моей ситуации пренебрегать нельзя.

– Тут не далеко, – поднимаясь из-за столика, сказала незнакомка. – Пара кварталов. Пройдемся пешком?

– Колеса мне сегодня точно противопоказаны, – ответил я, старательно изображая из себя пьяного.

Хотя какой смысл изображать? Во мне и так грелись четверть литра джина почти без всякой закуски. Перебрал немного. Сейчас это минус.

Один из пасущих девочку ребят был вооружен. Меня бы пытали, и то не смог бы сказать, по каким признакам я это понял. Но сомнений не было – где-то у него был припрятан ствол. Об этом говорил мой богатый стрелковый опыт. У двух других под гавайками наверняка ножи, но это на Суматре оружием не считается.

Мы встали из-за столика и направились к выходу. Женщина ступала первой, профессионально покачивая бедрами, а я двигался на шаг позади, стараясь быть готовым к любым неожиданностям. К красотке так и липли взгляды подвыпивших посетителей. Но мало кто был способен заплатить за ее услуги даже ту мизерную цену, какая была в ходу на острове. Поэтому взгляды скользили и по мне. Завистливые.

Мы миновали гориллу-охранника и оказались на пустынной улице. Тучи, бродившие днем над городом и пролившие полуденный дождь, рассеялись, светила яркая половинка луны, компенсируя всяческое отсутствие фонарей. Когда-то, до войны, тут располагались то ли небольшие заводы, то ли ремонтные мастерские. Потом все было заброшено, часть зданий присвоили дельцы под бары, притоны и игорные заведения, а менее пригодной собственностью завладели бездомные. Кое-где, за мутными стеклами, виднелся тусклый свет просроченных химических светильников, а иногда и масляных ламп.

Я постоял немного, делая вид, что хочу прийти в себя на открытом воздухе, вынудив женщину нетерпеливо потоптаться рядом. На самом деле я тянул время. Хотелось если не дожидаться Алекса, то хотя бы сократить промежуток времени до его прибытия. Если раз-

говор с незнакомцами пойдет серьезный, то вдвоем нам проще будет понять, чего именно от нас хотят.

В одиночку же мне, случись что серьезное, придется вынести к дьяволу их гнездо и всех перебить. Потому что на мне лежит слишком много ответственности и нет возможности рисковать по пустякам.

– Пойдем! – Незнакомка наморщила носик и сделала шаг вдоль улицы. – Я уже вся горю.

– Да. – Я вздохнул и направился за ней.

Не миновали мы и квартала, как от стены на темной стороне улицы отделились три тени и побрели за нами. Женщина оглянулась и прибавила шаг. Те трое тоже. Но это точно были не соглядатаи из бара – уж слишком натурально перепугалась проститутка.

Это было плохо. Очень. Потому что из-за трех незадачливых грабителей я мог лишиться возможности побеседовать с заинтересовавшимися мною людьми на их территории. И выход тут был один – разобраться с неожиданным фактором по-быстрому. Я остановился, резко обернулся и негромко сказал:

– Катитесь к дьяволу! Не надо портить мне романтическое настроение.

Они замерли. Все трое. И тут же по моей груди чиркнул луч лазерного целеуказателя.

Я прыгнул назад, прогнувшись в воздухе и пропуская над собой две пули приличного, судя по звуку, калибра. По ушам шарахнуло грохотом выстрелов.

Падать спиной на раскрошенный от времени бетон не хотелось совершенно, поэтому я перевернулся, как кошка, сгруппировался, ушел в кувырок через плечо и только встав на корточки выхватил из-за спины пистолет. Пока описывал им дугу, чтобы прицелиться, скинул флажок предохранителя, не забывая следить за положением лазера под стволом противника.

Луч молнией метнулся ко мне, я рухнул на землю, пропустив его над собой вместе с очередной пулей и выиграл секунду, которой мне с лихвой хватило бы на два выстрела. Промаяхнуться с такой дистанции для меня было решительно невозможно. Вот только пистолет мой от двух нажатий на спуск выстрелил только один раз. Но это была не осечка. И мне понадобилась пара мгновений, чтобы понять, в чем дело.

Кто-то в ресторане, пока я болтал с проституткой, ловко стянул у меня из пистолета магазин. Остался только один патрон, который я обычно ношу в стволе, наготове.

Но и единственная пущенная мной пуля достигла цели. Луч вражеского целеуказателя описал в воздухе беспорядочную линию и замер, упершись в стену противоположного дома. Оставшиеся в живых бросились в тень, и я понятия не имел о степени их вооруженности. А раз так, следовало считать их вооруженными до зубов и готовыми из меня в любой момент решето сделать.

Не теряя бдительности, я перекатился по земле, сбивая локти, прыжком преодолел оставшееся до упавшего вражеского пистолета расстояние и подхватил его. Целеуказатель пришлось закрыть пальцем – приделан он был на совесть, не свернуть, а мне эти навороты ни к чему, только демаскируют.

Остатки облачной дымки рассеялись, луна светила все ярче, очерчивая глубокие, черные, как смоль, тени под стенами. Я же стоял, как на сцене в лучах софитов, так что надо было срочно менять дислокацию.

Все было привычно, как на стрелковых дуэлях, в которых мне много раз приходилось участвовать ради заработка. Кувырок вправо, пережат, кувырок вперед. Противник дважды выстрелил, но пули каждый раз попадали в то место, где на тот момент меня уже не было.

Я же краем глаза заметил вспышку порохового сполоха и послал пулю чуть ниже. Попадание в живот далеко не всегда смертельно, а вот останавливает всерьез и надолго в ста случаях из ста.

Третий противник проскочил через освещенный участок между домами и снова метнулся в тень, но я достал его выстрелом, уже не видя, просто взяв упреждение по начальной траектории.

Короткий вскрик подтвердил, что с последним грабителем тоже покончено. Раненые коротко не кричат. Боль от попавшей в тело пули такая, что даже самые крепкие издают при ранении отчетливый и продолжительный звуковой сигнал. А этот затих. Значит все.

Я обернулся и оторопел. Проститутка лежала лицом вниз в темной, растекшейся по треснувшему бетону луже. Она еще дышала, но крови вытекло столько, что шансов на выживание не было никаких. У грабителей действительно была пушка сокрушительного калибра. Женщине хватило единственной, попавшей между лопаток пули, одной из тех, от которых успешно увернулся я.

Вот и все. Представление, обещавшее быть интересным, закончено. Теперь никто не попытается со мной побеседовать. Снова не повезло.

Я подобрал свой пистолет и сунул за пояс, а грабительский выкинул. Не любил я большие калибры, точность от них страдает. И надо было скорее уносить ноги, а то в городе хоть и тормозная полиция, но иногда она поспевает вовремя в самый неудобный момент.

Пришлось прыгнуть в тень и припустить в сторону от бара. На бегу нажав кнопку коммуникатора, я вызвал Алекса. Но сказать ничего не успел, потому что с ночного неба чуть ли ни на голову мне опустился патрульный полицейский антиграв. Турбины его свистели, медленно понижая тон, постепенно переходя на холостой ход.

– Стоять на месте, руки вверх! – рявкнул громкоговоритель.

От бортового полицейского пулемета не увернешься так ловко, как от нескольких пистолетных пуль. К тому же у меня было правило относиться к блюстителям порядка с уважением, особенно когда не чувствуешь за собой вины.

Ну, прикончил трех грабителей, что с того? Вот женщину жалко. Но это не моих рук дело, и доказать это не составит труда. Я выполнил требование и стал терпеливо ждать.

Полицейский гравилет, все еще низко свистя турбинами и поднимая пыль, опустился на разбитый бетон. В свете бортовых огней была отчетливо видна эмблема с двумя черными крыльями, за которую патрульных в трущобах звали черными ангелами. Дверь десантного отсека распахнулась, выпустив троих штурмовиков в полной экипировке, в шлемах и с легкими пулеметами в руках. Еще один пулемет, в башенке на крыше машины, не спускал с меня четырех коротких стволов.

В это время на вызов отреагировал Алекс, но я не слышал, что он говорит из-за свиста турбин. Сам я тоже ответить не мог – опасно было опустить руку и поднести к губам браслет коммуникатора. В общем ситуация была идиотской. И скорее всего ночевать сегодня на базе у меня не получится. Не смотря на полный порядок с документами могут продержат в участке до утра. Все же четыре трупа, а патрульным только дай повод попудрить мозги.

Один из штурмовиков молча схватил меня за запястье и сорвал браслет коммуникатора.

– А мое право на связь? – напомнил я.

– Воспользуешься им в участке, – ответил патрульный. – Давай в машину.

Двое других придержали меня у порога, обыскали, изъяли пустой пистолет и подтолкнули внутрь, придержав голову, чтобы я не разбил ее о верхнюю кромку люка.

Не считая пилота спереди, больше в гравилете никого не было. Происходи это лет пять назад, когда я зарабатывал на жизнь, участвуя в стрелковых дуэлях, проще и безопаснее было бы свинтить. В ближнем бою от трех пулеметов не так много толку, больше психологически действуют. А пускать их в ход – себе дороже. Не ровен час друг друга перестрелять. Когда первый патрульный сунется внутрь, можно шарахнуть его со всей дури в забрало шлема, выхватить пулемет, срезать оставшихся, потом прикончить пилота, завладеть маши-

ной и дернуть на окраину, куда ни один патрульный в здравом уме не сунется. Еще и навариться можно было не слабо, продав гравилет пособникам тамошнего бандитского главаря.

Но то можно было повернуть пять лет назад. То было другое время, и у меня был совершенно другой статус. Прошли времена когда я убивал людей на дуэлях, залечивал редкие раны, нелегально ночевал в пустых гостиничных номерах, бродяжничал по всей Суматре, отбивался от севших на хвост бандитов и творил прочие непотребства.

Тогда для меня не было разницы – уйти от мафиози, который решил, что я ему задолжал, или вынести к дьяволу полицейский патруль, который решил, что я совершил нечто противоправное.

Теперь все иначе. Теперь я на легальном положении, с паспортом и банковским счетом. Я пишу письма в муниципалитет, на некоторые иногда отвечают, а журналисты время от времени насаждают на меня, публикуя потом статьи о сумасшедшем миллионере, решившем изменить историю человечества.

В общем, мне теперь проще провести ночь в полицейском участке, чем расхлебывать последствия не вовремя пробудившихся рефлексов. Так что рефлексы я усмирил и спокойно устроился на скамье в десантном отсеке.

Люк захлопнулся. Двое патрульных расселись по бокам от меня, третий напротив, направив ствол мне прямо в живот.

– Вас учили не направлять оружие на людей? – съязвил я.

Никто не потрудился ответить, да я не очень-то на это рассчитывал. Гравилет оторвался от бетона и я тут же понял, что влип в нечто до предела серьезное, так как никто из патрульных не удосужился уделить хоть какое-то внимание трупам. Тут и дураку станет ясно, что полицейские еще более липовые, чем проститутка, на которую я клюнул в баре.

Вот только дергаться уже было поздно. Прыгнешь на того, кто спереди – отоварят с боков. А драться с двумя под прицелом третьего еще более глупо. Упустил я момент. Старую, что ли? Дважды опростоволоситься за один вечер! Смех на палке!

Но вообще-то мне оказалось совсем не до смеха. Похищение было спланировано безупречно, причем, ребята скорее всего знали кого похищают и разработали сценарий под мой психотип. Точнее под мой теперешний психотип.

Они знали, что сразу в драку я не полезу, а потом у них будет весомое преимущество. И знали, что пойду за проституткой, когда увижу трех соглядатаев. В общем очень уж много знали – достаточно, чтобы я напрягся всерьез.

Не лезли в схему только трое покойных грабителей и смерть проститутки. Они стреляли не холостыми, запросто могли меня зацепить, а какой тогда разговор? Причем, магазин-то из пистолета сперли, рассчитывали, значит, что активного сопротивления я оказать не смогу. А стрелять начали первыми. Странность, с которой при случае следует разобраться. Но меня уже куда больше волновало будущее, чем прошлое.

С одной стороны можно было порадоваться. Я хотел контакта, и вот он контакт. Но с другой стороны я не рассчитывал оказаться в столь беспомощной позиции. Вот, чисто теоретически, могут сейчас отвезти в лес, посадить в глубокую яму и выставлять любые требования.

И тут меня разобрало любопытство. А какие требования, собственно, похитители могут мне предъявить? Выкуп? Ну, один из вариантов. Но богатых людей в городе достаточно и без меня. Хотя, с другой стороны, они, как дураки, не шастают ночью по барам в одиночку и не подставляются под похищение. Но почему-то предчувствие подсказывало, что дело не в деньгах. Или я надеялся, что дело не в деньгах?

В любом случае говорить придется не с этими тремя, а с теми, кто организовал похищение. Так что пока особого смысла дергаться нет.

Другое дело, если подвернется момент. Тогда лучше все же свинтить. Во-первых, это набьет мне цену в случае возобновления переговоров, а во-вторых, позволит вести их с более удобной позиции.

Провести несколько дней в яме мне нравилось еще меньше, чем ночь париться в полицейском участке.

Я был уверен, что гравилет пойдет к окраине по кратчайшему пути, а то ведь не ровен час нарваться и на настоящий полицейский патруль. Но путь оказался еще короче, чем я рассчитывал. Мы приземлились уже через пару минут полета.

Люк тут же распахнули снаружи, и я понял, что все шансы на побег я упустил. На посадочной площадке нас встретило не менее десятка крепких, хорошо вооруженных парней.

Вокруг простирались развалины трущоб, кольцом охвативших город, но я понимал, но мы определенно находимся в северо-западном секторе, поскольку от бара летели не долго. Эта точка меня устраивала вполне, так как база отсюда всего в семи километрах. Если что, можно и пешком без особых усилий дотопать. Мало ли каким боком повернется удача?

К тому же Алекс не дурак, он будет ждать у бара, как того требовала соответствующая инструкция. Заодно может что вынюхает и нападет на мой след. Хотя на это надеяться не стоит. Не потому что я сомневался в Алексе, просто привык рассчитывать на себя.

Пилот гравилета остановил турбины, а я коротко огляделся. Мы находились на площадке, бывшей когда-то фундаментом здания. Пространство ограничивали и замыкали невысокие гребни разрушенных стен. Под ногами хрустело крошево из строительного бетона, местами торчали штыри проржавевшей за десятилетия арматуры.

В свете луны можно было различить несколько проемов в земле, и я подумал, что это наверняка входы в подвальные помещения. К одному из них меня недвусмысленно подтолкнули стволом пулемета. Я шагнул в предложенном направлении, прекрасно понимая, что под прицелом десятка стволов на открытом пространстве дергаться совершенно бессмысленно.

В подвале было темно, но хоть не воняло, как обычно в подземельях трущоб. Конвойные загодя включили фонари под стволами пулеметов, и так получилось, что под землей я оказался в перекрестьи тугих световых лучей, отбрасывая вперед длинную тень, которая кривлялась, как скоморох, при каждом моем шаге.

Возле массивной стальной двери со значком высокого напряжения мне приказали остановиться, с лязгом отворили старинный механический замок, отодвинули скрипучий засов и без обиняков втокнули меня внутрь. Когда дверь со скрипом и лязгом захлопнулась у меня за спиной, наступила полная темнота. Придавила так, что захотелось сделать несколько полных вдохов.

Я привык к темноте океанских глубин, но здесь мрак был совершенно другим. Он таил меньше опасности, но воспринимался во много раз тяжелее и теснее.

Для очистки совести я ощупью обследовал небольшое помещение, в центре которого сгрудились останки древнего распределительного трансформатора. Вслепую оторвать от него кусок металла, годный в качестве оружия нападения, не вышло. Я успокоился, уселся в угол и принялся ждать, проговаривая про себя стишок, которому когда-то научил меня австралийский абориген по имени Коча.

Секунда за секундой,
Минута за минуткой,
Во времени заполнят
Собою промежутки.

Не много и не мало
А столько, сколько будет

Пока я тут считаю
Один уже убудет.

При определенной наработанной ритмике этот стишок произносится за пятнадцать секунд. Потом снова:

Секунда за секунду,
Минута за минутку,
Во времени заполнят
Собою промежутки.

Не много и не мало
А столько, сколько будет
Пока я тут считаю
Второй уже убудет.

Следующий цикл заканчивается словами «третьего не будет», а после произнесения «четвертого не будет», на руке загибается один палец, отсчитывая минуту. Потом все снова.

Через двенадцать минут я с трудом различил приближающийся свист турбин тяжелого гравилета. По логике вещей это прибыл хозяин, то есть, человек, заказавший сегодняшний бал-маскарад. Для меня самым главным в развитии данной ситуации было то, что она начала меняться. А раз так, ее можно будет повернуть в свою пользу и перестать играть пассивную роль. Ну не любил я пассивных ролей, плохо они мне давались. Но тут тоже надо иметь голову на плечах, поскольку активность активности рознь.

Вообще-то пути было два, по большому счету. Следуя первому, можно было попытаться сделать ноги и вернуться на базу. Но тогда терялся весь интерес игры. Кто меня похитил, зачем? И можно ли повернуть это в положительное русло? Все эти вопросы останутся без ответа. Следуя же второму пути, можно было попробовать освободиться от конвоя, связаться с Алексом, захватить хозяина и вытрясти его, как мешок с дерьмом.

Второй путь нравился мне больше во всех отношениях, хоть и предполагал значительно большие трудозатраты.

Подумав, я решил заранее не суетиться. Какой путь ни выбери, от конвоя придется освобождаться и так, и эдак. Вот и надо это сделать. А там разберемся.

С моим бурным прошлым мне не раз приходилось уходить из-под стражи, так что у меня уже давно была разработана простая и эффективная тактика, основанная на простой, но неочевидной истине. Суть ее заключалась в том, что никакие два, а тем более три, события не могут произойти одновременно. Сначала происходит одно, потом другое. И их можно последовательно отработать. Сноровку надо только иметь, чтобы не считать ворон по ходу дела. Но сноровка – дело наживное.

Применяя этот общий принцип к более частной ситуации, можно сказать, что все три охранника в одну дверь не пролезут. Как бы они ни крутились, в проеме появится сначала один. А с одним я уж как-нибудь справлюсь. Потом разговор будет совершенно иным, потому что у меня появится пулемет.

Мне не пришлось ждать долго, за металлической дверью раздались шаги, потом скрежет замка, затем скрип засова. Как только через щель проскользнул свет фонаря, я ухватился за край двери и изо всех сил рванул на себя. Ясное дело, охранник в это время толкал ее вперед, прикладывая не мало усилий, а тут еще я помог. Ни один человек, учитывая фактор неожиданности, не устоит в этом случае на ногах.

Дверь распахнулась, и мне пришлось чуть уклониться, чтобы ошеломленный конвоир не оказался в моих объятиях. Я дал ему сделать один до крайности длинный шаг, а затем положил ладонь на его затылок, чуть придавил и шарахнул коленом в забрало шлема.

Приложенной таким образом кинетической энергии, даже с учетом защитной функции шлема, как правило, бывает достаточно для оглушения на пяток секунд.

Второй рукой я схватился за ствол пулемета, чуть отклонившись, на всякий случай, от линии выстрела. Сам едва не взвыл от боли в ушибленном о забрало колене, но охранник отлетел назад, придавив собой дверь, а пулемет остался у меня в руках. Под стволом был закреплен фонарь, мне это очень понравилось.

Я ожидал выстрелов в коридоре, но оставшиеся там конвоиры оказались куда умнее и опытнее, чем я ожидал. Они не стали стрелять в дверь, да и вообще вели себя на удивление тихо и не дергались, что меня озадачило. Сам я соваться в коридор не собирался, так можно сдуру и под перекрестный огонь угодить. Мне хотелось дождаться либо когда они сами сунутся, я бы их перебил тогда по одиночке в дверном проеме, либо когда они рванут по коридору обратно. Тогда и без фонаря можно было срезать их очередь, просто полоснув наугад.

Пауза затянулась. Я уже начал ожидать какой-нибудь гадости вроде гранаты или подложенной у порога мины, когда в дверь ударили и она со скрипом приоткрылась. Тут уже ждать было нечего – я прижал приклад пулемета к бедру и выжал спуск. В этот момент один из конвоиров ввалился в помещение и превратился в чрезвычайно удобную мишень.

Вот только пулемет у меня в руках не выстрелил.

Вообще-то на невезучесть мне грех жаловаться, но осечка в такой момент – чересчур. Еще более чересчур второй отказ оружия за одну ночь. Такого со мной еще никогда не бывало. Ни в какие ворота оно не лезло, чего уж тут говорить.

В любом случае на жалобы у меня времени не было, следовало как-то выкручиваться из неловкой ситуации. А как выкручиваться? Я перевернул пулемет в руках, прыгнул вперед и попытался влупить конвоиру прикладом в забрало шлема. Но тот тоже был не пальцем деланный – увернулся, зараза, и так приложил мне с ноги, что мир тут же раскрасился самыми радужными тонами.

Но мне было не до красот. Стиснув зубы от боли, я продолжил рукопашную схватку, в которой больше уворачивался, чем бил сам. Через несколько секунд на помощь моему противнику подоспел второй охранник. Тут стало совсем тяжело, но по молодости мне приходилось выпутываться и не из таких передраг, так что бодрости духа я не терял, а ждал, когда ситуация повернется в мою пользу.

Наконец дождался. Конвоиры так увлеклись моим избиением, что чуть потеряли ориентировку в пространстве. В результате я оказался у приоткрытой двери, ужом выскользнул наружу и из последних сил успел не только ее закрыть, но и задвинуть засов.

Это было победой. Пусть маленькой, но так уже можно жить. Теперь требовалось привести пулемет в боевую готовность.

Окрыленный успехом, я передернул затвор и оторопел. Патронов в магазине не было. Вообще. Понятно, почему охранники не стреляли!

С такой лисьей хитростью, направленной против меня, я столкнулся впервые. И поневоле зауважал заказчика всей этой кутерьмы. Хотя отсутствие патронов вполне логично, если я им нужен живым. А раз нужен настолько, значит, мои шансы возрастают в разы. Я их могу убивать, они меня нет. По таким правилам мне играть еще ни разу не приходилось. Но идея мне понравилась. Жаль только, что мне убивать кого бы то ни было оказалось решительно нечем.

Снова надо отдать должное плененным мной конвоирам – в дверь они не молотили. Наверняка связываются сейчас с теми, кто наверху. Патронов бы добыть! Должны же тут у кого-то быть патроны! Просто обязаны быть!

Я погасил фонарь. Чтобы пройти по коридору, не имеющему ответвлений, он мне даром не нужен, а лишняя демаскировка ни к чему. Пусть сами светят, когда сунутся. Теперь у меня был пулемет, а это, кроме прямых функций, заявленных изготовителем, давало возможность использовать его как холодное оружие ударно-раздробляющего действия. К тому же, фонарь был оснащен двумя аккумуляторами, а они тяжелые и компактные, тоже в умелых руках не шутка.

Сняв аккумуляторы и повесив пулемет на плечо, чтобы не мешался в руках, я принялся осторожно, как можно тише, пробираться вдоль стены к выходу. Но долго отдыхать не дали. В коридор прыгнул здоровенный верзила со скорострельной четырехствольной «Пумой» в руках.

– Стоять! – проревел он. – У меня пушка заряжена!

Я спорить не стал. На нем шлема не было, в отличии от конвоиров, поэтому я просто шагов с десяти метнул ему в башку один из аккумуляторов. Судя по глухому стуку, промаха не случилось, а значит, этого противника я вывел из строя всерьез и надолго.

Тут уж мешкать было нельзя. Пользуясь тем, что фонарь его пулемета и после падения исправно освещал пол коридора, я рванул вперед с низкого старта, чтобы завладеть оружием раньше, чем сунутся остальные.

Достигнув конца коридора, я схватился за пулемет с куда большим рвением, чем подросток хватается за грудь первой отдавшейся ему женщины. Но и это оружие оказалось полностью разряженным. Тут меня уже зло взяло. Должен же быть предел подобному хамству!

И тут сверху через проем начали прыгать оставшиеся снаружи громилы общим числом приблизительно около десятка. Точно я сосчитать не успел. Они меня и не били даже, навалились, прижали, скрутили, надели мешок на голову, аж до пояса, и выволокли наружу.

Мешок на голове не позволял ориентироваться, но я хорошо помнил где, что и как располагалось на площадке. Меня волокли к ее центру, скорее всего к недавно севшему тяжелому гравилету.

Все, в общем-то, шло по моему плану. Мне хотелось побеседовать с заинтересованной стороной, вот будет такая возможность. Мешок бы еще с башки сняли, у меня вообще претензий бы не осталось.

– Осторожно, ноги береги! – пробурчал кто-то в ухо.

Меня подхватили под локти и втащили в кабину гравилета. Внутри пахло кожей, дорогим джином и еще более дорогим одеколоном.

– Стоять! – приказал тот же голос, который предостерегал насчет ног.

– Не надо только кричать, – раздался другой голос, спокойный и властный. – И мешок с него снимите. Если что, о нем есть кому позаботиться.

С меня стянули мешок и я, проморгавшись от яркого света, разглядел богато обустроенный салон. Позаботиться обо мне действительно было кому. По бокам стояли двое темнокожих здоровяков, судя по многим признакам они являлись сынами экваториальной Африки. Кроме огромного роста и горы мускулов они были вооружены компактными искровыми шокерами, таким можно дикого буйвола остановить на ходу, не то что меня.

Оба негра были одеты в черные брюки и черные сорочки с короткими рукавами. Стильненько. Почти униформа. Все в одном цвете, включая собственную кожу. Четверо, доставившие меня сюда из подвала, рядом с ними меркли во всех отношениях.

А прямо передо мной, метрах в трех, сидел за низким столиком в кожаном кресле белый мужчина лет пятидесяти на вид. Причем белым он был не только и не столько в плане кожи.

Он весь был белым, и длинные прямые волосы до плеч, и брови, и ресницы... А кожа особенно. На Суматре я никогда не видел людей с такой белой кожей.

Альбинос смерил меня взглядом и приказал доставившим меня сюда конвоирам:

– Свободны! И от полицейской машины избавьтесь.

Их как ветром сдуло, остались только африканцы, похожие на чуть уменьшенных сказочных великанов. Их лысые головы натурально начинались от плеч, носы были плоскими, как у горилл, а размер кулаков находился за пределами любого здравого смысла.

Не смотря на внешнее спокойствие, они держали руки на чехлах с шокерами, готовые пустить их в ход при первой необходимости.

– Выпьешь? – обратился ко мне альбинос, коротко кивнув в сторону стоящей у него на столике початой бутылки джина.

Стаканов заранее было припасено два. Удивительное в данной ситуации гостеприимство.

– Выпью, – кивнул я, хотя по факту мне уже было достаточно, особенно в развивающейся обстановке.

– А с нервишками у тебя полный порядок, – усмехнулся незнакомец, разливая напиток в два высоких, узких стакана из тончайшего стекла.

Это был не дешевый акрил, а именно стекло. Самое настоящее, полированное и идеально прозрачное.

– У меня работа такая, – ответил я. – Не для слабых нервов.

– Знаю, – кивнул альбинос. – Вот о твоей работе мне и хотелось бы побеседовать.

Он сделал едва заметный знак, повинувшись которому один из негров взял со столика стакан и протянул мне. Присесть никто не предложил, да и некуда было. Ну ничего, ноги у меня крепкие, не отвалятся.

– Вы не из местных, – уверенно заявил я.

– Это уж точно. Но несколько лет назад тебе с твоей командой удалось тут наделать столько шума, что слухи об этих подвигах дошли до Европы.

– А-бал-деть! – не скрывая иронии, ответил я.

Но он, конечно, не врал. Во-первых, будь он не издалека, с такой внешностью я бы о нем что-то слышал. Во-вторых, акцент. Такого чистого и правильного английского я отродясь не слышал.

– Конечно, я мог поступить иначе, – продолжил альбинос. – Мог приехать к вам на базу, испросить аудиенции... Но мне хотелось побеседовать именно с тобой, без участия третьих лиц.

– Скрытный вы, – съязвил я.

– У меня работа такая, – парировал он. – Не располагающая к открытости. К тому же, в более благоприятной для тебя обстановке разговора могло не выйти вообще.

– От чего же? Я охотно принимаю рабочие предложения по специальности. К тому же у меня сейчас развернута рекламная компания.

– Среди проституток? – усмехнулся незнакомец.

– Глупый разговор. – Я перешел на серьезный тон. – Вы позаботились о том, чтобы я сразу понял, насколько она не проститутка.

– Да. И не ошибся.

– Только не понимаю, зачем надо было устраивать пальбу и убивать женщину. Ваши методы настораживают.

– Это не наших рук дело, – отрезал альбинос. Потом добавил после короткой паузы: – Мы собирались устроить драку, а не пальбу. Поэтому вытащили у тебя патроны, пока ты болтал. Началась бы драка, прибыла бы полиция...

– Все понятно. Значит, грабители попались настоящие?

– В отличие от всего остального, – кивнул он.

– Справки обо мне наводили? – сощурился я.

– А как же? – Альбинос сделал крошечный глоток из стакана. – Чтобы грамотно спланировать операцию мне надо было как минимум знать, что ты регулярно появляешься в этом баре. Новую команду пытаешься набрать?

– У меня есть команда. Но в данный момент я нуждаюсь в специалисте с очень редкими навыками. Хотя бы в одном специалисте.

– Знаю, знаю. Навел справки в вашем муниципалитете. И про суть твоей рекламной компании тоже слышан. Собираешься провести караван судов через весь индийский океан?

– Да, собираюсь. И проведу. Но мне этого мало. Мне необходимо, чтобы это заметили и оценили, чтобы такие рейсы перестали нести рекламный характер и приобрели практический смысл.

– Вернуть человечеству океан... – В голосе альбиноса прозвучала неприкрытая ирония.

– Разве оно того не заслуживает?

– Не знаю, – он тоже стал серьезным. – Но я не люблю мыслить так широко. У меня тоже, понимаешь ли, узкая специализация. И представляю я не себя лично, а некий... Ну, скажем, европейский концерн. Производственный.

Я понял, что он не врет и не водит меня за нос. Это была удача. В любом случае. Чтобы он ни предложил, это была большая удача.

– И что производит ваш концерн?

– Товары народного потребления, – не моргнув глазом, ответил он. – И мы постоянно расширяем сферы деятельности. Так получилось, что нам нужна твоя помощь, Андрей Вершинский. И мы готовы за нее хорошо заплатить.

– Уже интересно. Насколько хорошо? Мне необходим новый подводный корабль.

– Значит, о цене договорились, – кивнул он, не задумавшись ни на миг.

Я еще не знал, что он хочет предложить, но уже понял, что продешевил. Ладно, разберемся по ходу дела.

– Допустим. В чем суть предложения?

– Ну, во-первых, оно совершенно противозаконное, – начал было он.

– Я об этом догадался по заявленным расценкам, – тут же прервал я его.

– Ничего. Все равно я обязан предупредить. Во-вторых, я предлагаю тебе увеличить численность твоих врагов. Причем твоими же руками.

Вот это произвело на меня сильное впечатление. Я постарался не подать виду, но вряд ли это у меня получилось. Мне нечего было сказать, так что я решил дослушать его до конца.

Альбинос сощурился и продолжил:

– Ты ведь знаешь, что в связи с полным запрещением биотехнологий всю документацию по ним уничтожили.

– Конечно, – кивнул я.

– Но в океане после войны осталось столько произведенных и выросших тварей, что ни один человек не может добраться с одного материка на другой водным путем.

– Безусловно. – снова согласился я. – Для неподготовленной экспедиции это верная гибель.

Эта игра начала меня напрягать. Он вещал мне прописные истины и вынуждал поддакивать. Я вспомнил, что где-то слышал о такой методике психологического воздействия, когда человека вынуждают несколько раз сказать «да», а потом он автоматически соглаша-

ется в том случае, когда мог бы отказаться. Я сосредоточился – не хотелось попасть впросак настолько глупым образом.

– При этом биотехи полностью вышли из под человеческого контроля, – монотонно продолжал незнакомец, – и фактически воцарились на океанских просторах.

– Это вы к чему мне рассказываете? – оборвал я его.

Негры напряглись. А сам альбинос словно вывалился из транса, моргнул и пристально посмотрел на меня.

– Короче можно? – с нажимом спросил я.

– Можно, – усмехнувшись, произнес он. – Мне нужно несколько живых биотехнологических торпед. Причем таких, для которых я сам могу задавать цели. Видимо это должны быть личинки торпед и работоспособный программатор к ним. Взрослые торпеды, насколько я знаю, не подлежат перепрограммированию. Я достаточно компетентен?

Он оказался просто чертовски компетентен. Возможно компетентнее меня самого. Но я не произнес ни слова. Не хотелось в который уж раз выдавать утвердительный ответ. Затем подумал и после паузы сказал:

– Чушь. Ничего подобного уже не найти. Все генно-инженерные и биотехнологические заводы на Земле уничтожены. Можете выкинуть эту идею из головы.

– А в океане? Что вы скажете о шельфовых военных базах? На них просто обязаны были остаться торпеды в личиночной стадии развития.

– Такое не исключено, – все же согласился я. – Но добраться до подводной базы невозможно. К тому же сами базы наверняка давно уничтожены биотехами.

– Да, большинство из них, – легко согласился со мной альбинос. – Но мне известно о законсервированных базах. Они были оснащены вооружениями в самом начале войны, обесточены, переведены в полностью пассивный режим и законсервированы. Для биотехов такая база ничем не отличается от груды камней. Она даже теоретически не может быть атакована рукотворными тварями.

– Откуда вы знаете, какими органами чувств обладают торпеды и мины? – с пренебрежением спросил я.

– Просто знаю, – спокойно ответил он. – Пей джин, не стесняйся.

Я понимал, что глупо задавать вопросы по поводу источников его осведомленности. Еще глупее спрашивать, зачем ему личинки торпед. Но он ответил сам:

– Хотя... Не буду таить от тебя лишних секретов. Мы уже давно пытаемся разработать системы противодействия биотехнологической опасности в океане. Но продвинулись мало. Гораздо меньше, чем ты со своей командой. И я могу объяснить почему. Ты просто ненормальный. Псих. Одержимый идеей. И вокруг тебя собираются такие же, как ты сам. Но их мало, и ты уже с этим столкнулся. Не хватает людей? Вот и я о том. У нас же подходы не такие кустарные, как у тебя. Корпорации не могут позволить себе кустарщины. Нами движут законы прибыли. Но почему-то за деньги люди не так готовы рисковать жизнями, как за идеи. В этом наша проблема.

– Неужели ваши спецы по промыванию мозгов не могут создать идею? – усмехнулся я.

– Могут. И создают, пробуют. Однако все идеи оказываются не очень жизнеспособными. В результате в океане и на побережье мы используем только роботов.

– Понятно, – кивнул я. – Биотехи специально создавались для противодействия электронно-механическому оружию. Ваши роботы проигрывают им по всем статьям.

– Верно. Живым мозгам разумных торпед адекватно могут противостоять только живые мозги создавшего их человека. Полагаю, вы готовы предложить свои услуги за достойную плату, но для нашего масштаба вашей команды мало. Ситуация сложилась такая, что нам необходимо в кратчайшие сроки создать несколько трансокеанских

путей сообщения, стабильно работоспособных и безопасных. Надеюсь, вы понимаете, что с вашими силами это немыслимо?

– Это спорный вопрос, – ответил я. – Но в любом случае мне импонирует сходство наших задач.

– Уже хорошо, – улыбнулся альбинос. – Думаю, из сказанного мною ты понял для чего нам нужны личинки торпед.

– Вы хотите использовать биотехов против биотехов.

– Верно.

– Тогда, теоретически, число моих врагов должно уменьшиться, а не возрасти, – прикинул я.

– Если считать, что своими врагами ты считаешь любую биотехнологическую тварь, то их число возрастет, – в голосе незнакомца появились стальные нотки. – И значительно. Потому что в качестве конечной задачи нашей корпорации мы хотим снова поставить биотехнологии на службу человечества. И об этом я говорю сразу, чтобы исключить недоразумения в будущем.

Я наконец поднес стакан с джином к губам. Окончательное решение в голове еще не созрело, мне еще трудно было понять, ввяжусь я в эту авантюру или нет, но одно было ясно – с корпорацией альбиноса у нас разные цели. Кардинально. А значит, беседа дошла до той точки, когда мне следует перехватывать инициативу.

Я сделал небольшой глоток джина, а затем резко дернулся в сторону ближайшего охранника. Вся надежда была на скорость его реакции – прояви он хоть долю заторможенности, мой план полетел бы к дьяволу.

Но здоровяк не подвел. Он моментально выхватил искровой шокер и стремительно распрямил руку с ним в мою сторону. Однако за долю секунды до проскочившей между электродами искры я выплеснул на разрядник джин из стакана, и все двадцать тысяч вольт, пройдя через жидкость по пути наименьшего сопротивления, шарахнули верзилу так, что он выгнулся дугой и рухнул на переборку спиной вперед.

Второй охранник тоже, не смотря на вес, прытью обижен не был. Мы с ним двигались по-разному, но в синхронном ритме, как фехтовальщики на турнире. Он выхватил разрядник, я ударил опустевший стакан о край стола. Он рванулся вперед, я тоже ему навстречу. Он от бедра попытался достать меня шокером, я увернулся, и всадил длинный, как кинжал, осколок стекла ему в глаз. Он выронил шокер и двумя руками ухватился за торчащее из глазницы донышко, я поймал разрядник и приложил контакты сначала к бедру противника, потом ткнул ими в шею.

Надо отдать должное альбиносу – он тоже не дремал. За две секунды, пока шла потасовка с неграми, он успел выхватить откуда-то крошечный пистолет.

Я прикинул положение ствола и чуть ушел в сторону, пропустив пулю мимо себя. Меня поразил звук выстрела – это был не грохот, а резкий хлопок, хотя ствол точно не был оснащен ничем, напоминающим глушитель. Правда, удивляться было некогда – я с размаху метнул шокер в лоб альбиносу. Машинка тяжелая, граммов триста – вырубил его наглухо.

Я поднял пистолет и с удивлением сообразил, что он пневматический. Пуля выбрасывалась из ствола посредством сжатого газа.

Бред собачий – это не оружие ни в каком виде. И дырочка от пули в кожаной обивке оказалась крошечной, миллиметра четыре. В общем, слишком игрушечным показался мне пистолет в свете прошедшего разговора. У такого матерого корпоративного мафиози за пазухой должно было бы находиться нечто в разы существеннее.

Я растерялся. Для меня оружие было одним из немаловажных факторов, по которому можно давать оценку его владельцу. Оружие приобретают сознательно, оно является нема-

ловажным штрихом к психологическому портрету. А тут на тебе – плевательница с механическим приводом.

Это меня не только удивило, но и расстроило. Я надеялся завладеть куда более серьезным трофеем. Мне ведь еще придется как-то разбираться с оставшимися снаружи! Причем пулеметы-то они могли уже успеть зарядить, времени на беседу ушло изрядно.

Я решил чуть прийти в себя, отдышаться и принять соответствующее решение, но сделать этого мне не дали. Я совсем забыл про пилота. Ну, не то чтобы совсем забыл, но из салона, целиком обшитого кожей, видно его не было. А значит, непосредственной опасности во время стычки он не представлял. Вот только его невидимость для меня вовсе не означала мою невидимость для него. В мире ведь и видеокамеры существуют.

На самом деле я подумал об этом чуть раньше, чем пилот дал о себе знать, и успел испугаться, что он пустит в кабину газ. Но тут же откинул эту возможность, поскольку кроме охранников, жизнь которых и гроша не стоила, со мной тут находился потерявший сознание альбинос. Пилот же тем временем выкинул совершенно неожиданный номер – запустил турбины и резко поднял гравилет в воздух.

Я метнулся к двери, но она уже была заблокирована. Кругом броневые переборки, обитые дорогой кожей. Ловушка – лучше не придумаешь. Эдак меня можно доставить в любое место со всеми уликами моей агрессии, в том числе и в полицейский участок. Хотя я сомневался в подобной банальщине, но кто знает, какие инструкции у пилота? И не известно еще что хуже – попасть в руки полиции или в логово мафиози. Да и вообще состояние беспомощности не входило в мои планы. Я затеял стычку прямо с противоположной целью, так что сдаваться не собирался.

Когда мне было лет пятнадцать и я прибил к банде вора Баксы, он учил меня, что лучший способ выкрутиться из щекотливой ситуации – это использовать в своих целях то, что тебя туда загнало.

Честно говоря, я не часто этим принципом пользовался, но сейчас вспомнил о видеокамере. Она ведь не только демаскировала меня, но и давала, пусть одностороннюю, связь с пилотом. Грех было ей не воспользоваться.

Проблема была лишь в недостатке аргументов для принуждения к посадке. Разве что пневматический пистолет. Хотя, если рассуждать здраво, я мог сломать шею бесчувственному альбиносу и голыми руками. Вот только ломать мне ее не хотелось – я еще не принял решения как поступить с его предложением.

Нет, ломать шею определенно не следовало, нужно было лишь дать пилоту понять, что я готов это сделать. Вот только как? Не прыгать же обезьяной перед камерой и не объясняться же языком жестов! Вряд ли он меня слышал, ведь пилот должен контролировать ситуацию, а не подслушивать разговоры босса.

Пришлось все же использовать пистолет. В любом случае направленный в голову ствол говорит красноречивее любых слов. Вот только ствол никудашный. Но я знал как можно создать имитацию реальной угрозы жизни даже с помощью имеющейся плевательницы. Понять бы еще где камера установлена, я бы и лицо пилоту состроил должным образом, но это уже не суть важно. Надо было действовать, потому что счет времени шел не в мою пользу.

Я поставил пистолет на предохранитель, чтобы не пальнуть ненароком, и направил срез ствола точно в глаз начавшему приходить в себя альбиносу. Попадание в глаз с минимальной дистанции может оказаться смертельным даже при выстреле из пневматики.

Сделав необходимый грозный вид, я показал направленный вниз большой палец, намекая пилоту на необходимость скорейшего приземления. Он сообразил моментально. Хороший пилот. Профессионал. Для профессионала на первом месте жизнь босса, а уже на всех остальных все остальное, включая собственное лицо. Обожаю иметь профессионалов в про-

тивниках. С ними легко, предсказуемо и вполне безопасно. Любитель же всегда может отчебучить нечто совершенное неожиданное. Он похож на обезьяну с ручной гранатой.

У меня дух захватило от быстрого снижения гравилета. Я жестом показал пилоту, чтобы не забыл разблокировать замок люка. Альбинос между тем окончательно очухался, но шевельнуться боялся. Он неотрывно глядел на мой палец, прижатый к спусковому крючку. Тоже понимал, что при всех создавшихся раскладах я могу угробить его в один миг.

– Как это понимать? – спросил он, немного взяв себя в руки.

– Цену себе набиваю, – просто ответил я. – Чувствую, что продешевил. Хочу показать на что способен. К тому же не терплю беседовать на чужой территории, да еще под прищмотром горилл. Может вам это и покажется дурновкусием, но таков уж я. Старомодное воспитание.

– Дело не в воспитании. – Он нашел в себе силы на ироническую усмешку. – Просто ты идиот.

– Не нравится, ищите нормального, – я тоже усмехнулся в ответ.

– Нормальных у нас полно, – вздохнул он. – Нам вот как раз такой придурок и нужен. Но уж очень трудно с вами, с придурками.

Гравилет тряхнуло, а через миг он коснулся земли посадочными полозьями. Я метнулся было к люку, но альбинос меня остановил:

– Прежде чем наделаешь еще больше глупостей, послушай.

– Ну? – обернулся я.

– Один из наших роботов после шторма обнаружил на побережье сейф. Сейф с документами, в числе которых координаты законсервированных баз. Ты не думаешь, что наши цели могут иметь точки пересечения?

Я замер. Конечно, он мог блефовать. И я обязан был рассчитывать, что он блефует. Но слишком уж лакомым показался мне предложенный кусок. На заброшенных военных шельфовых точках теоретически можно было отыскать ответы на многие важные для меня вопросы. Например, как извести биотехов под корень. Навсегда.

– Жду вас у себя на базе, – кивнул я. – Как очухаетесь. Но без горилл, с доказательствами и с предварительным уведомлением по коммуникатору. Побеседуем.

Я распахнул люк и сощурился от ударившего в глаза яркого света. Судя по времени полета, мы должны были удалиться от развалин минимум на километр в какую-либо сторону. Но пилот оказался хитрее. Он просто поднялся над руинами, описал круг, а потом опустился в то же место, откуда взлетел. А я, распахнув люк, оказался в луче прожектора под прицелом пяти пулеметов. Без сомнения уже заряженных. Наверное в этот момент альбинос должен был выкрикнуть: «Не стрелять!», но ничего подобного я не услышал.

Я давно усвоил, что безвыходных ситуаций не бывает. Проблема лишь в том, что из многих ситуаций выход лежит только в сторону крематория. Таких я старался избегать по мере возможности.

В первый миг я подумал, что вляпался. Но в следующий никто не выстрелил, а это означало, что из создавшейся ситуации выхода как минимум два. Один, как обычно, в сторону крематория, а второй сдать. И при всей его постыдности, при всем его неудобстве, выбрать я решил именно этот, второй выход.

Крематорий от меня никуда не уйдет, и не в моих интересах было сокращать до него дорогу. К тому же у меня в руке оставался пистолет, пусть и плохонький, но вряд ли снаружи знали о том, что он пневматический. Пускать его в ход из моей позиции было безумием, поэтому я незаметно сунул его за пояс и поднял руки.

В любой момент мог подать голос альбинос и пустить под откос все мои задумки. Я был к этому внутренне готов, но лучше бы успеть сделать что-то значительное до смены правил игры.

Спрыгнув на землю, я сделал пару шагов вперед, но ко мне сразу подскочил один из охранников с пулеметом. Двое других выдвинулись вперед, не спуская с меня прицелов. А я решил использовать фактор, всегда выручавший меня в трудных случаях. Фактор неожиданности, когда происходит нечто, на анализ чего противнику нужна минимум секунда.

Люди редко считают секунды, но когда знаешь, как поступить, секунда превращается в бездну времени, за которую решается, жить тебе или умереть. Я подпустил ближайшего охранника почти вплотную, выхватил пистолет, одновременно перекинув большим пальцем флажок предохранителя, и всадил ему пулю точно в глаз.

Эффект от попадания превзошел все мои ожидания. Верзила выронил пулемет почти мне в руку, отшатнулся, сделал шаг назад, и тут же его голова с грохотом разлетелась в клочья, раскидав вокруг жирные кровавые комья. Это было похоже на попадание в арбуз из противотанковой пушки, а не в голову из пневматики.

Такое поведение малокалиберной пули, выпущенной из пневматического пистолета, шокировало меня самого, но теряться было некогда. Сообразив, что трофейное оружие обладает куда большей, чем казалось, разрушительной мощностью, я оставил пулемет в левой руке и еще дважды пальнул из плевательницы альбиноса.

Одному охраннику попал в грудь, другому в шею. После короткой задержки прозвучали два взрыва и два тела рухнули неподалеку на бетонное крошево. Остальные тихо, спокойно сложили оружие и молящими взглядами уставились на меня.

С удивлением я понял, что убил только одного, которому снесло голову. Двое других ворочались на земле и постанывали, но бойцовские качества утратили полностью.

Я передернул затвор пулемета и усмехнулся. Патронов в нем по-прежнему не было. На испуг брали, умники. Ну-ну...

– Кто дернется, лишится башки, – предупредил я, хотя в этом уже отпала необходимость. – Быстро все в подвал, и не высовываться.

Можно было завладеть гравилетом и пленить альбиноса, но я посчитал это излишним. И так мне сильно повезло. Я решил не искушать судьбу, а просто выскочил из прожекторного луча и растворился в развалинах.

Спешно миновав три квартала, я сориентировался поточнее и прикинул, что от бара меня отделяет не более пятнадцати минут хорошего хода.

Двигать лучше всего было туда, поскольку Алекс был человеком исполнительным, и если получил сигнал прибыть на место, то будет там ждать, пока ситуация не изменится кардинальным образом.

Ночью бродить по трущобам, не самое безопасное занятие, но я чувствовал себя вполне уверенно, поигрывая крошечным пистолетом. Надо же, каким неожиданным оказался трофей! Причем, кроме вполне достаточного останавливающего действия, он обладал низкой, судя по всему, летальностью, но сокрушительным деморализующим эффектом, что зачастую важнее скорострельности и калибра. Особенно в условиях города.

Когда до бара оставалось метров двести, я не смог больше бороться с любопытством, остановился и извлек из пистолета магазин. Мне было до одури интересно, чем же он там снаряжен.

Часть магазина занимал баллончик со сжатым газом, а спереди от него виднелись готовые к подаче в ствол пули. Небольшие такие пульки калибром чуть больше четырех миллиметров и примерно сантиметр в длину. Двадцать четыре штуки. Но меня поразило, что они не имели и намек на металлический блеск. Более того, материал, из которого они были сделаны, показался мне аморфным и рыхлым. Вроде парафина. Непрозрачная белая масса. И этим может голову разнести?

Я был далек от мысли, что крохотную пульку можно оснастить детонатором и взрывчатой смесью. Ну, сколько там взрывчатки поместится? Хотя капелька нитрожира, зарабо-

танного боевыми железами биотехов, вполне могла произвести похожий эффект. Вот только найдется ли придурок, готовый таскать в кармане двадцать капель нитрожира, способного рвануть от неосторожного взгляда? Чуть.

Чтобы докопаться до истины, я извлек одну пульку. Она оказалась тяжелее, чем я ожидал. Это натолкнуло на мысль, что под мягкой парафиновой оболочкой может скрываться нечто весьма интересное.

Улыбнувшись, я скovyрнул парафин и тут же громко выругался от боли. Палец чем-то всерьез обожгло. Пулька выпала в грязную лужицу возле ног, но не утонула, а начала вести себя уж совсем неожиданно. Она с огромной скоростью и громким шипением начала хаотично носиться по поверхности воды, подобно катеру, оставляя за собой хорошо видимый пузырящийся след.

От удивления я отшатнулся, и в этот миг воздух передо мной взорвался, чуть опалив лицо. В ушах засвистело.

Честно говоря, у меня челюсть отвисла от удивления и легкого шока. Ни с чем подобным мне отродясь сталкиваться не приходилось. Лично я не мог объяснить поведение маленькой пульки ни с точки зрения известной мне физики, ни с точки зрения известной мне химии. Колдовство какое-то, иначе не скажешь.

Ошеломленный, я осторожно вставил магазин на место, сунул пистолет за пояс и поспешил к бару. Через минуту мне навстречу из-за угла выскочил Алекс. В нем килограммов сто без малого, поэтому столкнуться с ним на полном ходу, все равно что с внедорожником на малой скорости. Если и не все равно, то разницы мало. Увернуться от столкновения я не успел, а потому кеглей отлетел и шлепнулся в грязь на краю улицы.

– Извини, – сказал Алекс, протягивая мне руку и помогая подняться. – Не ушибся?

– Переживу, – пробурчал я в ответ. Хотя шарахнул он меня действительно не слабо.

– Что там рвануло? Твоих рук дело? Что вообще происходит?

– Потом расскажу, – пообещал я. – Машина далеко?

– За углом, возле бара. Давай, колись. Знаю я твои «потом».

Пришлось вкратце рассказать Алексу о произошедшем. Он воодушевился. А когда я дошел до описания действия альбиносовой пули, он воскликнул:

– Щелочной метал! Натрий, скорее всего.

– Что? – удивился я.

– Натрий. Он с водой реагирует очень бурно, со взрывом. А тело человека, сам понимаешь, почти целиком из воды и состоит. Со всеми вытекающими последствиями. Но вода и в воздухе есть, так что натриевые пули должны быть чем-то непроницаемым покрыты. В лабораториях его под слоем керосина держат.

– А ты откуда знаешь? – удивился я.

– В школе надо было учиться, – с усмешкой ответил Алекс.

– Это уж точно, – невесело согласился я. – Ладно, пора на базу.

Мы завернули за угол, к машине. Алекс сел в пилотское кресло, я справа. Он запустил турбину нашего полуспортивного «Кросс-Эйра», и мы, с визгом резины развернувшись посреди улицы, помчались по ночному городу в сторону базы.

Когда миновали окраины, я закончил пересказывать историю с альбиносом.

– Ну и зачем ты заварушку устроил? – удивился Алекс. – Надо было соглашаться на все, потом разобрались бы.

Вот что мне в Алексе нравилось, это простая житейская мудрость. Но я как-то привык двигаться по пути наибольшего сопротивления. В не малой степени такой подход сформировался под влиянием Кочи, полудикого австралийца, с которым мы протопали вместе через всю Суматру.

– Не ищи простых путей, – сказал он мне как-то раз у костра в лесу. – В жизни пути как тропы. Легкие идут под гору и кончаются пропастью, а трудные ведут в гору, к сияющим в небесах вершинам.

– Иногда нет смысла попусту тратить энергию, – пожал я тогда плечами. – У нас, у русских, есть поговорка, что умный в гору не пойдет, умный гору обойдет.

– Умный да, – легко согласился Коча. – Но я говорю не про ум, а про мудрость. К тому же у каждого свой путь, Хай. Твой ведет вверх и простым не будет. Вселенная так устроена, что в ней не бывает случайностей. Случайностями нам кажутся события, причины которых скрыты от наших глаз. И если вдруг на гладкой воде побежала волна, значит где-то, за пределами твоего видения, в воду упал большой камень.

– Это к чему? – удивился я. – Не вижу связи.

– Тебя зовут Вершинский, – он с трудом выговорил русскую фамилию. – Ты сам говорил, что это имя имеет общий корень с вершиной.

– И что? – На самом деле я уже понял, к чему он клонит.

– Простые пути для других людей, – ответил он и подкинул пучок хвороста в жаркий огонь.

Из костра взметнулись искры и умчались к вершинам вселенского мироздания. С тех пор я заметил, что успех ожидал меня в конце трудных путей. Только попытаешься скатиться по траектории наименьшего сопротивления, только отпустишь весла, так сразу мир вокруг превращается в унылую трясику. А начнешь барахтаться, все выправляется.

Правда, не всегда хватало сил. После того, как затонул наш подводный корабль, мне стало так худо, что не хватало воли на активные действия. Но теперь, в машине, я ощущал какой-то перелом и в себе, и в окружающем пространстве. Конечно, можно было согласиться на условия альбиноса, а потом разобраться с трудностями по мере их появления.

Но мне надоело существование в виде овоща на грядке. Эти чертовы негры вывели меня из себя. И альбинос вывел. К дьяволу все!

– Мне показалось, что так будет лучше, – ответил я Алексу. – Теперь он сам приползет. Некуда ему будет сунуться. А мы сможем действовать, как выгодно нам.

– Буду рад, если ты окажешься прав.

– Я тоже, – невесело усмехнулся я.

База, которую мы заняли три года назад банальным самозахватом, представляла собой систему подземных бункеров в нескольких километрах от океана. Когда биотехи вышли из-под контроля, военные отсюда поспешили смыться. Слишком уж близко было к воде.

Гражданские тем более на запад от города соваться боялись. Зря, кстати. На самом деле биотехнологические ракетные платформы выростали только на определенных глубинах. Защитая в генах программа не позволяла им вылупляться из икринок слишком близко от берега, чтобы при переходе из личиночной стадии развития не быть уничтоженными оружейным огнем береговых батарей. С ракетами они справлялись прекрасно, а вот со снарядами никак.

У самих же у них дальность поражения тоже не безграничная, куда меньшая, чем у обычных ракет, но большая, чем у снарядов. Я это выяснил в свое время опытным путем, перелопачивая карты Суматры с пораженными в разное время прибрежными городами и ставя собственные небезопасные эксперименты.

Мы с Кочей довольно точно рассчитали опасную зону. Она составляла порядка четырех километров от линии прибойя.

Наша база находилась от океана в пяти. Город в десяти. И на запад расти он не мог, потому что власти не осмеливались выдвигать строения в сторону океана. А с востока город был прижат скалистой грядой. Пришлось его растягивать, как кишку, на юг и на север, что уже начало отрицательно сказываться на инфраструктуре.

Говорят, знание – сила. Трудно с этим поспорить. Благодаря эмпирическим данным, полученным нашей командой во время Большой Охоты на биотехов, мы осели на базе, с которой никто не решался нас выкурить, не смотря на формальную противозаконность такого захвата.

А я в это время вел оживленную переписку с муниципалитетом, пытаясь донести до них возможность уничтожения ближайшей к городу ракетной платформы усилиями нашей команды. Но никто не принимал меня всерьез, поэтому переписка была оживленной только с моей стороны.

Сразу за базой начинался лес. Но он не заслонял океан, потому что убегал вниз, под гору. Алекс остановил машину у ворот бетонного бункера и набрал на коммуникаторе код дистанционного открывания. Створки медленно разошлись, и мы проехали внутрь.

Заняв базу три года назад, мы не обнаружили на ней никаких особых ценностей, ни техники, ни вооружений, только пустые бетонные помещения в несколько уровней, работающую систему генерации электричества и вполне пригодную к использованию инфраструктуру в виде лифтов, снарядных подъемников и ремонтной зоны с самыми разными станками и оборудованием.

Но главным бонусом была нижняя штольня шириной пятьдесят метров и длиной в пять километров, ведущая прямо в океан. Ее можно было при необходимости заполнить водой, а можно было осушить, чтобы биотехи из океана не имели возможности подобраться к нам близко.

Когда у нас был подводный корабль, по этой штольне было удобно выходить в океан. Но теперь корабль остался на дне, и вряд ли подлежал подъему. В любом случае у нас не хватало средств ни на его спасение, ни на постройку нового.

А на базе мы прижились. Лично я считал ее почти домом, не знаю как остальные.

Ольга встретила нас во внутреннем автопарке. Это был просторный бетонный бокс, умещавший два внедорожника, гусеничный вездеход, три шоссейных машины, четырехтурбинный седельный тягач безумной грузоподъемности и черный полуспортивный «Кросс-Эйр», на котором мы прикатили.

– Привет! – помахала она рукой, когда мы с Алексом выбрались из машины. – Трудно было связаться, сказать, что задержитесь?

– У меня коммуникатор сломался, – соврал я. – Выкинул.

– Вечно у тебя так, – вздохнула она. – А у меня есть хорошая новость. Даже две.

Я замер. Хороших новостей не было уже очень давно.

– Пришло письмо из муниципалитета, – похвасталась Ольга. – Это раз. Они сказали, что послезавтра возможно пришлют инспектора.

– Возможно или точно? – переспросил я.

– Написано было, что решение принято, и инспектор будет выслан к четырнадцати часам.

Это было больше, чем хорошая новость. У меня кровь быстрее побежала по жилам. Видимо прав был Коча, что легкие пути не для меня. Стоило пройти сложным, как результат не заставил себя ждать. Хотя, казалось бы, какая связь между потасовкой с охраной альбиноса и муниципальным письмом? Вроде бы никакой, но факт остается фактом. Я уже давно не верил в случайности.

– А вторая новость?

– По прогнозу на послезавтра шторм, – с довольным видом выдала она. – Как тебе совпадение?

Я на миг зажмурился. Нам наизнанку лучше вывернуться, чем упустить такую возможность. Три года ждали... Все же прав Коча, никакая вложенная энергия даром не пропадает.

– Сколько баллов? – спросил Алекс.

– Обещали пять, – ответила Ольга.

Мне показалось, что Небесные Звери, о которых когда-то рассказывал Коча, глянули на меня со снисходительной улыбкой.

Глава 2. Канцелярская крыса

В шторм биотехи теряли чутье. Самую малость, но и этим шансом пренебрегать было нельзя. Хотя, если быть до конца точным, я попросту не имел права пренебрегать каким-либо шансом. Тем более теперь, когда от успеха зависело очень многое.

Всю жизнь я жил, будучи уверенным, что если прикладывать к достижению цели достаточно усилий, цель будет достигнута. Надо только уметь поступаться чем-то ради ее достижения. Иногда очень многим. Иногда ничем существенным. Как получится.

И вот сейчас, когда на кону оказались усилия трех последних лет, я не решался сделать очередной шаг. Наверное, я просто устал. И на душе у меня было так же пасмурно, как на небе.

Тучи летели низко. Они всегда так летят на Суматре в разгар сезона дождей. Свинцовые, напитанные водой громады лохматились, свешивая к земле серые щупальца, а над береговой чертой начинали вихриться, поймав потоки восходящего над океаном воздуха.

Под ними дул ветер. Сильный. Метров двадцать пять в секунду, не меньше. Он дул с востока, с берега, в сторону океана.

– Грозы не будет, – глянув на небо, сказал Алекс. – Так прольется.

– Уже хорошо, – кивнул я.

Алекс примкнул к нам недавно, около года назад, в самый черный для меня момент, когда почти полностью распалась наша команда. Все потеряли надежду. Все устали ждать неизвестно чего.

Первым ушел Док. Просто ушел и все. Без скандала, без обид. Я знал его адрес в городе, но у меня ни разу не возникло желания навестить бывшего соратника, с которым мы в прямом смысле прошли огонь и воду.

Потом ушли Катя с Борисом. Вместе. Я был за них рад. Была у них по отдельности какая-то нецелостность, а вдвоем они неплохо дополняли друг друга, превратившись в некую симбиотическую личность.

Последним покинул базу наш доктор Саймон. Он привык лечить людей, а у нас лечить стало некого. И не от чего. Сейчас он вел практику в городском госпитале.

Осталась только Ольга. По сути, самое слабое звено нашей команды. Но именно это слабое звено в чем-то оказалось самым сильным. Случайность? Закономерность? Не знаю. Но я был рад, что в свое время не поддался пессимизму Бориса и позволил Ольге остаться. Иначе теперь нашей команды уже бы не было. Вообще.

Кстати, и Алекс примкнул к нам только благодаря Ольге. Тоже одна из шуточек Судьбы, имеющей весьма своеобразное чувство юмора.

Я много раз задумывался над тем, в чем же сила странной, нестабильной и во многом противоречивой личности Ольги. Но понял лишь то, что эта женщина обладала удивительным и непонятным мне умением прибиваться к самой жизнеспособной стае. И не только самой прибиваться, но и вовлекать в эту стаю других, вроде Алекса. Получалось, что раз она не ушла, раз ее чутье, почти звериное, не позволило покинуть базу, значит на команде рано было ставить крест. Это придавало сил все три года.

Океан катил мощные волны и дышал, взрезывал, подобно проснувшемуся дикому зверю. Но он был опаснее любого зверя. И совсем не из-за начавшегося шторма, а от того, что зло, притаившееся под водой было разумным. И весь его разум был сфокусирован на убийстве.

Но я знал, что можно ему противопоставить. Иначе никогда бы не взялся за эту работу. Я и не брался за нее целых три года, потому что идея была, но не было шансов претворить ее в жизнь.

Нас было слишком мало. А от моего бездействия стало еще меньше, но зато теперь с нами был Алекс. Один в поле не воин, конечно, но нас ведь трое. Прорвемся. Обязаны прорваться. Иначе все зря: все потери, все поражения и победы.

– В шторм они немного теряют чутье, – произнес я вслух.

Алекс вздохнул. Понятно, что это было не великое успокоение. Особенно для него, ведь именно ему сегодня придется, если повезет, делать самую сложную часть работы.

До берега оставалось меньше километра, но ближе к воде нельзя было подходить даже в шторм. Я набрал на коммуникаторе номер Ольги.

– Да, – ответила она через несколько секунд.

– От инспектора что-нибудь слышно?

– Пока нет, – сказала она. – Но до двух часов еще пятнадцать минут. Как там у вас?

– Готовимся, – уклончиво ответил я. – Если приедет, гони его сразу сюда. Я сейчас скину координаты. Нет настроения с ним разговаривать, тем более по коммуникатору.

– Хорошо. Он приедет, Андрей. Вот увидишь.

– Будем надеяться.

А что нам еще оставалось? Очень некомфортно, когда вся твоя дальнейшая жизнь зависит от кабинетного бюрократа. Точнее от того, откликнется он на одно из десятков присланных в мэрию писем или проигнорирует, как обычно. И ты ничего, ровным счетом ничего, не в состоянии изменить.

И еще наша жизнь зависит от того, выйдет ли у нас задуманное. Хотя, если не выйдет, нам уже будет все равно. Мы или вернемся с победой, или не вернемся вообще. И почему-то по этому поводу у меня не было ни малейшего страха.

Да, действительно, я устал. Устал до притупления инстинкта самосохранения. Меня куда больше волновало, приедет инспектор или снова отделается ни к чему не обязывающими отговорками, чем опасность, ожидавшая в океане.

У нас за спиной шумел лес, ветер бушевал в верхушках деревьев, справа текла широкая, впадающая в океан река, образовавшаяся лет сто назад после сильного землетрясения в горах.

Она протекала через город и была судоходной. Именно была, потому что сейчас никому бы и в голову не пришло выходить по ней в океан. Никому, кроме нас.

Впереди, метрах в тридцати от нашего гравилета, громоздились невысокие скалы, а за ними убегала к океану двухсотметровая полоса песчаного берега. Наша цель находилась дальше, за кромкой бушующего прибоя.

– Если бы тварь нас засекала на подлете, уже пальнула бы, – произнес Алекс.

– Не могла засесть. Далеко, – кивнул я. – К тому же шторм. Ты готов?

– А смысл без инспектора? – пожал плечами Алекс.

– Инспектор приедет, – уверенно заявил я. – На этот раз должен приехать.

– Месяц назад они тоже обещали.

Я не ответил. Я уже мысленно был в океане. И вдруг понял, что на берег в этот раз не вернусь. Как-то очень отчетливо это почувствовал.

Раньше нам просто везло, но везение никогда не длится вечно. Статистика. Простая математическая статистика. Если все время играешь с огнем, рано или поздно все равно сгоришь.

И, странное дело, вместо уныния я ощутил эмоциональный подъем. Это ведь очень логично для меня, погибнуть в океане.

– Готовь инъекцию, – сказал я Алексу. – Если инспектор не приедет, я все равно пойду.

– С ума сошел? – косо глянул на меня Алекс.

– Нет, просто устал. Надоело бездействовать. Так надоело, что мне необходимо сделать хоть что-то. Иначе Большой Охоте конец. А если ей придет конец внутри меня, то и я кончусь.

– Забей, – отмахнулся он. – В любом случае я в этом не буду участвовать. Сам пойдешь.
– Не забуду, – спокойно ответил я. – И пойду.

Алекс нахмурился, но в полемику вступать не стал. Во многом мы с ним были похожи. Не внешне конечно, куда мне до такого красавца, но ощущал я с ним какое-то внутренне родство, причем основанное скорее на разнице между нами, чем на действительном сходстве.

Хотя и сходство было, ведь любому нормальному человеку оба мы показались бы законченными сумасшедшими. Каждый немного в своем, но подобные вещи часто роднят больше, чем общая кровь.

На самом деле разница между нами доходила до карикатурности: он выше меня на голову, тяжелее на двадцать килограммов, светловолосый, чуть вьющиеся пряди доходят до плеч, крепкий, яркий, похожий на древнего викинга, только без бороды и усов.

Он гордился своей силой. Не явно, без бахвальства, но не упуская случая продемонстрировать ее во всей сокрушительности. И чуть иронизировал надо мной, когда я кряхтел в попытке поднять ящик, к примеру, с которым он справлялся без видимых усилий.

У меня на левой руке завибрировал коммуникатор.

– Да? – ответил я.

– Он выехал, – раздался чуть дрогнувший от волнения Ольгин голос.

– Кто? – задал я совершенно идиотский вопрос.

– Инспектор. Я дала ему координаты. Он на гусеничном вездеходе. Побоялся лететь. Берег близко.

– Когда он выехал?

– Только что. Я сразу...

– Это самая лучшая новость за последние несколько лет, – произнес я. – Спасибо.

Сердце у меня заколотилось на бешеных оборотах. Нет, я ожидал конечно, что будет так, точнее надеялся. Но все равно пробрало. Губы сами собой растянулись в улыбке.

– Едет? – обернулся Алекс.

Я кивнул, чувствуя, что глаза у меня сияют, как у новоявленного царя перед долгожданной коронацией.

– Лимончик скушай, – посоветовал Алекс. – А то морда от улыбки треснет.

– Иди ты! – мне уже не хотелось сдерживать эмоции. – Собирайся давай!

На самом деле, я видел, как он за иронией пытался скрыть не меньшую, чем моя, радость. Для него это был первый раз. В отличии от меня и от Ольги он еще ни разу не ходил на Охоту. Хотя в его жизни было достаточно приключений, которых не пережить ни мне, ни любому нормальному человеку. У него был опыт и основанная на нем телесная мудрость: не напрягаться без смысла и не суетиться, даже если в этом был смысл. Мне, с моей порывистостью, определенно не хватало подобных качеств. Наверное, даосы, говоря о внутреннем спокойствии, подразумевали именно привычное для моего нового напарника состояние.

Алекс не спеша шагнул к гравилету, открыл багажный отсек и принялся открывать серебристые легкосплавные кейсы с необходимым для операции оборудованием. В них был упакован новый двухсоставной грибковый препарат, инъектор, гидрокостюмы, снаряженные боевые каркасы и сильно модернизированные, разработанные уже после ухода Дока, гарпунные карабины.

Тучи продолжали напирать с востока, но теперь небо не казалось мне хмурым, а ветер не охлаждал. Наоборот он придавал энергии и без того бурлящему эмоциями организму. Теперь меня уже неумолимо тянула в океан другая сила, нежели двадцать минут назад,

а мысли о смерти отступили. И усталость дрогнула под натиском влившегося в кровь адреналина.

Все, я настроился на победу. Сам дьявол теперь не сдвинул бы меня с выбранного пути. Теперь мне недостаточно было раствориться в первородном океане. Дудки. Теперь, как и раньше, я намеревался противостоять угнездившемуся в нем злу всеми имеющимися средствами. Средствами, на разработку и изготовление которых ушло три года, то есть все время, прошедшее со страшного дня, когда затонул первый и единственный построенный нами батиплан.

Казалось бы, после того, как мы, рискуя жизнью, подняли золото с затонувшей баржи, в финансах у нас не было недостатка, но постройка нового корабля требовала затрат, на которые не был готов банковский счет нашей команды. Поэтому я принял решение вложиться в менее затратные проекты. И, надеюсь, не прогадал. Потому что другого шанса не будет. Эти менее затратные проекты тоже изрядно истощили нашу казну. Если что-то пойдет не так, Большой Охоте конец, а задуманная нами операция «Караван» так и останется неисполненной мечтой.

Мы готовили снаряжение минут десять. Можно было и не спешить, потому что от базы на вездеходе не менее получаса езды. Но нас с Алексом так распирало, что работа спорилась сама собой. К тому же хотелось произвести на инспектора впечатление развернутым арсеналом.

На нас не должно быть налета любительщины, вот что главное. Потому что группе энтузиастов очень сложно получить серьезный правительственный заказ. Нет, мы не энтузиасты. Мы профи. Наш арсенал и экипировка созданы в заводских условиях за впечатляющую плату. У нас все хорошо. Мы много раз убивали тварей, о нас слышаны, нам можно доверить нечто серьезное.

А главное, нами движет не мой бзик очистить океан от смертельной для людей опасности, а желание заработать.

Почему-то бюрократам такой подход больше по вкусу. Одержимость пугает их. Да и не только их. С одержимыми никто не хочет иметь дел. Их никто не понимает, а непонятное вызывает раздражение и страх.

Последний год я только и делал, что учился беседовать с бюрократами на их языке. Мне это трудно давалось, да и не очень-то я преуспел. Но сегодня не тот случай, когда можно ударить в грязь лицом.

Я принял решение сразу надеть гидрокостюмы. Не те, в которых ныряют дайверы на внутренних водоемах, а тоже специально разработанные для наших целей. Они не боялись океанской соли, мы интегрировали в них средства связи, приладили прочный ранцевый каркас, способный нести вооружение и пристегнутую к нему экипировку. Так же каждый костюм был оснащен двумя химическими водометами для форсированного перемещения на глубине и легкой противоударной защитой, помогающей проходить полосу прибора.

Хотя, все это тоже больше для пускания пыли в глаза. Особенно защита. Если по неосторожности попадешь у берега под серф мощной волны, то костей не соберешь точно. Однако в костюмах мы выглядели очень круто. Это должно произвести впечатление даже на законченную канцелярскую крысу.

Ветер крепчал. Не смотря на сложности шторма, он давал нам некоторое преимущество, потому что сторожевые твари немного потеряют чутье. По крайней мере в звуковом диапазоне. Если же учесть, что их главный орган получения информации об окружающем пространстве – это ультразвуковой локатор, вроде дельфиньего, то шансов подкрасться к выбранной дичи у нас было не так уж мало.

Странное дело, ведь дельфины в шторм вроде бы чутье не теряют. Ничего подобного я не читал в литературе тех лет, когда океан для человечества еще не был закрыт. А вот твари

теряли. И если бы не эта особенность, нам бы не удалось уйти с дрожащего от вулканического извержения острова на «Принцессе Регине».

Тогда нас с Ольгой тоже спас шторм. Мне трудно было вспоминать страшный день, когда мертвые спасали живых, поэтому я поспешил отогнать нахлынувшие воспоминания. Хотя помнить было необходимо. Тот день и гибель отца во многом сформировали мою одержимость Большой Охотой. Впрочем, теперь этот старый мотив не был единственным. Да и главным он тоже не был.

Скорее всего люди, проектировавшие биотехнологических тварей, не стали тратить усилия на противодействие штормовым помехам. Действительно, зачем? Топить корабли можно и в тихую погоду. Какой смысл попусту напрягаться? В общем, у меня был свой мотив, у биоинженеров свой.

А вот каким был мотив Алекса – я понять не мог. Он просто примкнул к нам и все. Как он любил говаривать, ему по фану было с нами тусить. Но фан фаном, а работал он не меньше нашего. Он скрупулезно изучал каталог биотехов, который мы составляли с Ольгой на эмпирическом опыте боевых столкновений трехлетней давности, он ездил на завод забирать заказанное оборудование, он тренировался в стрельбе из гарпунного карабина в затопленных штольнях на базе, помогал делать ремонт в помещениях базы, исправно нес наряды по камбузу и делал множество других полезных, но трудных вещей.

Зачем оно ему было надо, я понятия не имел. Но это не было праздным вопросом, поскольку я был уверен, что мотивом человека можно измерять его надежность.

В отличие от бюрократов я прекрасно понимал, что за деньги человек в принципе не может хорошо работать. Нет, деньги он получать может, и должен их получать, но они, как у любого хорошего наемника, не могут быть главной причиной для несения тяжелой или опасной службы.

Основной причиной должен быть некий бзик, фанатизм в огромной мере, а если говорить попросту, то одержимость. Состояние, когда ты не можешь чего-то не делать, платят тебе деньги за то или нет. И Алекс делал. Причем в его надежности мне еще ни разу не пришлось усомниться.

В конце концов, чтобы дать себе хоть какое-то вменяемое объяснение, я решил, что мотивом Алекса является адреналиновая зависимость. У меня был повод так думать, потому что половину своей жизни он занимался виндсерфингом на закрытых водоемах. А по экстремальности этот вид спорта не слабее того же дайвинга. Во многом даже экстремальнее. Скорости там огромные, когда парусная доска выходит на глиссирование, а сноровка в управлении нужна та еще. Я прекрасно знал, насколько твердой бывает вода на скорости свыше двадцати пяти узлов.

Впрочем, дело не в скорости. А в том, ради чего человек занимается этим. Опять же, мотив.

Одно дело спорт и победа. Но Алекс катался сугубо для собственного удовольствия и на соревнованиях заявлялся редко. Несомненно, он был адреналинщиком. И наша Большая Охота, мне кажется, манила его именно возможностью сделать небывалый для него раньше впрыск. Ну что же... Сегодня он сполна получит в кровь этот гормон.

Вскоре мы были готовы. Сердце у меня колотилось, как водомет на малых оборотах, а по мышцам пробегала едва заметная дрожь избыточного тонуса.

Я понимал, что сегодня мы просто обязаны победить. Не умереть или победить, а именно победить. Потому что от этой победы, как ни странно оно звучит, зависела не только наша судьба.

Мне нужно было доказать этим проклятым бюрократам, что человечество имеет право на океан. И что оно получит его, если откестится от предрассудков и наберется смелости предпринять хоть какие-то усилия.

Но человечество слишком инертно, чтобы делать что-то сразу и очертя голову. Оно осторожно. И всегда идет по следам одиночек. Безумцев, как оно их называет. В общем, чтобы вернуть человечество в океан, мне надо сегодня сунуться туда самому. Иначе не выйдет. Никакими уговорами. Никакими доводами и никакой логикой. Я это понял за три года. Все. Время вышло.

Со стороны леса раздался звук турбин гусеничного вездехода, с деревьев взмыли в штормовое небо спрятавшиеся от непогоды птицы. Через пару минут на раздолбанной бетонке, которая вела когда-то к океану, показался новенький турбо-трак с эмблемой муниципалитета на лобовом обтекателе. Стекла были дымчатыми, сидящих внутри разглядеть было решительно невозможно. Мы с Алексом замерли.

Но, ощутив неловкость подобной позы, не сговариваясь начали бесполезную возню с ящиками. Просто чтобы не стоять столбами и не пялиться на подъезжающий вездеход.

Взревев напоследок турбинами, машина припарковалась у нашего антиграва. Пассажирская дверь уползла вверх, и из кабины по плечи высунулся муниципальный инспектор.

Более скучающего и равнодушного ко всему лица я в жизни не видел. Создавалось полное ощущение, что беднягу разбудили рано утром, причем с доброго бодуна, да еще оторвали от секса с любимой женщиной. И я сразу понял – конец. Представления не будет, потому что смотреть на него некому. Точнее зритель, для которого оно было предназначено, не очень заинтересован в просмотре.

Инспектору было около сорока. Может больше, но выглядел он весьма недурно благодаря усилиям парикмахеров, как я понял, массажистов и фитнес-тренеров.

Вопреки последней моде был он подстрижен коротко, а цвет лица выдавал то ли завсегдатая солярия, то ли человека, много времени проводящего под открытым небом. Во втором я, правда, сильно сомневался. Натуральная кабинетная крыса. А может на цвет кожи повлияло наличие крови коренных жителей Суматры.

Я его возненавидел с первого взгляда, а вместе с ним возненавидел дополнительно весь бюрократический аппарат, к которому и раньше относился без капли почтения.

– Не слишком ли близко вы расположились от океана? – спросил инспектор.

Это была хоть какая-то эмоция. Боится, тварь. Потому и не полетел, что боится.

– У нас достаточно опыта прибрежной работы, чтобы верно рассчитать безопасное расстояние, – хмуро ответил я.

– Понятно, – ответил муниципал и представился: – Урман Синх. Мне поручили отреагировать на присланное в мэрию заявление. Кто из вас его автор? Вы? – он глянул на меня.

Опытный. Хотя что удивительного? Должность обязывает разбираться в людях. Я кивнул.

– Замечательно. Писать не устали?

– Нет, – ответил я жестко, но без тени хамства.

Нам нельзя было с ним ссориться. Нам вообще ни с кем нельзя было ссориться. Нам надо было научиться тому, чего никто из нас не умел – целовать в задницу тех, от кого может зависеть успех задуманного мной предприятия. Лично для меня это всегда оказывалось более сложной задачей, чем погружение на триста метров в океан, кишасший биотехнологическими чудовищами.

– Это хорошо, что не устали, – так же спокойно продолжил Урман. – Потому, что после сегодняшней эээ...

– Операции, – помог ему Алекс.

– Да. После сегодняшней операции вам необходимо будет предоставить очень подробный отчет. Я буду писать свой.

– А в чем смысл? – все же разозлился я. – Результат нашей работы будет виден сразу. Я предлагал свою помощь в решении градостроительных проблем муниципалитета...

– Я читал все ваши письма, – скривился инспектор.

– У нас действительно есть проблемы. Город растет, но он зажат между скальной грядой на востоке и океаном на западе.

– А продолжать строить на юг и на север вы тоже больше не можете, – кивнул я. – И так инфраструктура до предела растянута.

– Верно.

– Вам нужна прибрежная зона и я это знаю, – я вбивал слова, как гвозди из монтажного пистолета. – Больше того, я могу обеспечить вам безопасное строительство вплотную к океану. Ну, не вплотную, однако дома смогут стоять в полукилometре от береговой черты. При этом в отвоёванной нами зоне будут летать гравилеты без риска быть сбитыми.

– Проще говоря, – усмехнулся Урман, – вы намерены каким-то образом уничтожить донную ракетную платформу, выросшую в тридцати километрах от кромки прибора?

– Да, – кивнул я. – И возникшую вокруг нее биотехнологическую инфраструктуру.

– А вам какой от этого прок?

– Хочу получить официальный муниципальный заказ на расчистку прибрежной акватории.

– Ну, это по крайней мере понятно, – со скучающим видом кивнул инспектор. – Ну что же, я готов посмотреть, что выйдет из вашей затеи. Если позволите, я произведу съемку вашего снаряжения.

– Мы вас для того и пригласили, чтобы вы произвели частичный анализ наших возможностей.

Инспектор достал из вездехода громоздкий рекордер и принялся снимать нас и содержимое ящиков в разных ракурсах. Мне эта затея казалась совершенно бессмысленной, поскольку на экране что муляжи, что работающая техника выглядят совершенно одинаково. Но хочет, пусть снимает. Главное ничему не мешает.

Однако съемкой дело не ограничилось. Инспектор потребовал на камеру объяснить устройство гарпунного карабина и его тактико-технические данные, чем немного меня удивил. Уж не думал я, что дело пойдет дальше обычных формальностей.

Затем Урмана заинтересовали гидрокостюмы. Он отснял мои объяснения их устройства, а потом, естественным образом, пришлось рассказать и о грибковом дыхании. Инспектор не поверил.

– Ну что же... – усмехнувшись, сказал я. – Нет ничего проще, чем продемонстрировать его в действии.

Алекс достал инъектор, снаряженный грибковым препаратом. Это был мутант дрожжевого штамма, и он позволял нам нырять на такие глубины, какие дайверам даже не снились.

Попав в вены, грибок быстро размножился и начинал питаться содержащемся в крови сахаром, активно поглощая углекислоту и выделяя при этом молекулярный кислород, разносимый гемоглобином по тканям всего организма.

Это не могло полностью заменить легочное дыхание, поэтому, при увеличении нагрузок, кислорода становилось маловато, я это много раз на себе ощущал. Но зато такое «грибковое» дыхание позволяло полностью избавиться от кессонной болезни при всплытии и значительно повысить глубину погружения.

Кессонная болезнь возникает при дыхании воздухом, то есть смесью азота и кислорода. Кислород усваивается организмом, а азот нет. И он активно растворяется в крови под высоким давлением. Потом, при всплытии, давление падает и кровь вскипает от выделяющегося азота, как шампанское в откупоренной бутылке. Это смерть. Тяжелая смерть от закупорки кровеносных сосудов.

Поэтому для дайверов погружение на глубины свыше тридцати метров связано с продолжительными остановками на всплытии по декомпрессионной таблице для постепенного освобождения от избытков азота.

Казалось бы, можно дышать чистым кислородом, но с этим тоже возникают не малые сложности. На глубине его приходится подавать под высоким давлением, иначе грудная клетка под натиском воды попросту не сможет отработать движение вдоха. А кислород под высоким давлением – штука страшная. Он вызывает тяжелое отравление, приобретая свойства озона, и в буквальном смысле выжигает легкие, поэтому с ним тоже не разгонишься. Глубже сотни метров не нырнешь. А нам надо было глубже, намного глубже.

На глазах изумленного инспектора мы с Алексом съели по четыре куска сахара, а затем впрыснули в вены культуру грибка. Чуждая микрофлора тут же начала работать, я это ощутил по нарушению дыхания и пульса.

Состояние возникло парадоксальное, как всегда после приема грибка. Вместо блокировки дыхательного рефлекса легкие стали работать часто, а сердце, наоборот, с огромным усилием, словно кровь стала тяжелой, как ртуть. Полная иллюзия, что вот-вот задохнешься. Тут же запаниковал мозг, а кожа стала холодной из-за спазма периферийных сосудов.

Но это лишь первые секунд тридцать. После усовершенствования грибковой культуры выход кислорода чуть увеличился. Но главное, что новый грибок сам выделял стимуляторы сердечной активности. Поэтому секунд через тридцать сердце забилося ровно, уровень углекислого газа в крови упал до минимума, а дыхательный рефлекс полностью блокировался. В голове еще шумело, но я по опыту знал, что это не на долго.

Острый приступ паранойи тоже отступил, как темнота с началом рассвета.

– Порядок, – произнес я.

Говорить было трудно. При отсутствии дыхательного рефлекса приходилось с большим усилием заставлять себя вбирать воздух.

Алекса накрыло сильнее, но тоже начало отпускать. Он перестал дрожать, вытер со лба испарину, а его губы утратили мертвенно-синий цвет. Здоровяк, а всегда переживал начало активной работы грибка тяжелее меня.

Инспектор глядел на нас молча.

– И что? – осторожно спросил он.

Вместо ответа я вплотную приблизил лицо к зеркально-гладкому обтекателю гравилета. Пришлось не дыша простоять минут десять, прежде чем по физиономии Урмана стало понятно, что до канцелярской крысы дошло. От дыхания блестящая поверхность запотеваешь матовым пятном, тут она оставалась чистой и гладкой. Я не дышал.

– Можно получить этот препарат на анализ? – спросил инспектор таким тоном, словно разговаривал с восставшим из гроба покойником.

Удалось нам его пронять. Явная победа.

– Это наша коммерческая тайна, – холодно отказал я.

– Как знаете, – сжав губы, ответил он.

Чтобы сгладить неловкость ситуации, Урман принялся внимательно изучать специально для него написанный план операции. Усмехнулся, осилив последнюю страницу.

– Это чушь, – спокойно заявил он. – Если бы все было так просто, биотехов в океане давно уже не осталось бы.

– Просто лишь на бумаге, – ответил я, чувствуя недоброе.

– Знаете, Андрей... – Его тон сделался отеческим. – У меня уже в печенках сидят шарлатаны и прожектеры вроде вас. Все хотят гранты, государственные заказы, а по большому счету просто денег. Получат транш, спустят его на такие вот... штучки. А потом поди спроси с них. Не получилось, мол, и взятки, мол, гладки. Да, признаю, вы меня поразили этим грибковым дыханием, как вы его называете. Но этого мало.

– Мы уже работали в океане! – не сдержался я.

– Правда? Очень рад за вас. Вот только с трудом верится. Вы тут написали, что пройдете до побережья по руслу реки, мол, в пресной воде биотехи не водятся. Тут вы правы, не водятся. А дальше? Как вы собираетесь преодолеть расстояние в тридцать километров от берега?

– На гравилете, – честно ответил я.

– Чушь. Вы просто психи или зачем-то морочите муниципалитету головы. И в мои обязанности входит вас разоблачить. Я понятно выражаюсь?

– А что вам стоит просто отследить наше перемещение и убедиться, что мы побывали там и выполнили работу? Вас не для этого прислали?

– Меня тошнит от всего этого, – устало ответил он. – От маньяков, требующих деньги на изучение торсионных полей, от безумных химиков, пытающихся создать лекарства от неизлечимых болезней. И от вас меня тоже тошнит. Это честно. Я не верю в успех одиночек там, где оказалась бессильной мощь государств. И меня, как вы выразились, прислали не чтобы я уши развесил, а чтобы наикратчайшим путем вывел вас на чистую воду. Коммерческая тайна, говорите? Да кому она к дьяволу нужна, ваша тайна? Какой дурак полезет в океан с голой, извините задницей? Лезьте сами, если хотите.

Он достал из кармана два навигационных «клопа» и, не скрывая брезгливости, прикрепил их к каркасам гидрокостюмов.

– Я отслежу ваше перемещение. Вы этого хотели? Все, свою миссию считаю законченной. И жду вашего отчета после выполнения... операции.

– Можно приступать? – с легкой иронией спросил я.

– Да, приступайте, – ответил он, не моргнув глазом. – А мне позвольте откланяться.

Он развернулся и направился к вездеходу. А меня натурально заколотило от злости. Крыса. Самая настоящая канцелярская крыса, которой плевать хотелось на все, кроме собственной задницы.

– Не кипятись, – посоветовал Алекс. – Ты же знаешь, что мы отработаем. Отработаем и докажем таким вот уродам, что действовать умеем лучше, чем бумажки писать.

– Может надо было ему грибок на анализ? – вздохнул я. – Да и спектакль мы кажется зря устроили. Может надо было ему предоставить настоящий план?

– Перетопчутся. Кажется мы вообще не верную тактику выбрали.

– В чем?

– Не надо перед ними пресмыкаться. Роднее будут. Мы им нужны. И никуда они не денутся. Поморщат носом, повыделываются, но все равно обратятся к нам. Больше ведь не к кому.

– Противно, – пожал я плечами, глядя на отъезжающий вездеход.

– Наплюй. Не стоит тратить силы на пустые эмоции. Я бы лучше поохотился.

– Впустую?

– Теперь не впустую, – улыбнулся он. – У нас маячки на каркасах. Докажем этим уродам, что мы можем удалиться от берега на три десятка километров. И пусть потом утираются.

Он был прав. Кое-чего мы сегодня все же добились. А раз так, надо развивать успех.

Тактические ракетные платформы жили на шельфах, на глубинах до семисот метров, имели радиус ракетного поражения до тридцати пяти километров и активно атаковали цели на берегу, а так же баллистические лайнеры на посадочных траекториях и гравилеты, подлетевшие близко к берегу.

Именно платформы, самые совершенные из биотехнологических тварей, представляли наибольшую угрозу повседневному существованию человечества. Ведь они могли убивать даже за пределами океана.

Этих чудищ мой отец, начавший составлять самый первый Каталог, называл почему-то женскими именами. «Эльза», «Регина» и «Катрин». Мы приняли эту классификацию в память о нем, а иногда просто заменяли имена начальными буквами, добавляя цифровой код по числу имеющихся ракетных шахт.

Именно с «Региной» нам предстояло сегодня сразиться. Точнее не с ней самой. Ведь «Регина» по сути, являлась существом беззащитным. Она умела только выращивать в шахтах, как в матках, ракеты. И отправлять их в цель. Ну и средства обнаружения у нее были развитые, как у всех платформ.

Сразиться же нам предстояло с боевым охранением, с мощной инфраструктурой платформы. С торпедами и минами, защищавшими подступы к ней со всех сторон.

Эта платформа контролировала местную акваторию еще до появления в городе нашей команды. Но руки у нас, пока был подводный корабль, к сожалению, до нее не дошли. Хотя, может быть, не дошли они тогда к счастью, поскольку теперь можно было не только ее уничтожить, но и продемонстрировать инспектору нашу мощь.

Для этой задачи притаившаяся на шельфовом дне «Р-4» была на редкость удобной целью, хотя сложно назвать удобной целью любую донную пусковую платформу. Но эту мы уже изучили, знали ее повадки, цикл созревания ракет, на какие раздражители она реагировала больше, какие чаще всего игнорировала.

И структуру ее боевого охранения нам тоже отчасти удалось изучить, пока в нашем распоряжении находился подводный корабль. Грозный реактивный батиплан «Коча», названный так в память о моем погибшем товарище. Располагая картой боевого охранения, мы с Алексом разработали план действий, который теперь были полны решимости претворить в жизнь.

Инспектор уехал, и мы начали работать не на показуху, а на себя. Быстро, четко, слажено, как на тренировках. В первую очередь привели в боеготовность весь арсенал, потому что потом будет не до того.

– Грей турбины! – сказал я Алексу, а сам полез под днище гравилета.

Там пряталось то, что мы не показали инспектору, главный козырь нашего настоящего плана. Под крышками нижнего погрузочного люка пряталась глубинная бомба мощностью примерно в четыре тонны нитрожира.

Только начинена она была куда более слабой, но куда более безопасной в использовании морской смесью, древней взрывчаткой на основе тринитротолуола. Поэтому весила она изрядно. Фактически это был максимальный вес, какой мы смогли взять на борт.

Хотелось бы больше, но нельзя было привлекать внимание полиции использованием слишком мощного гравилета. Патрули не часто выдвигаются так близко к океану, но у меня не было права ставить операцию в зависимость от дурацкой случайности.

По моим подсчетам мощности бомбы должно хватить для выполнения второй части плана. А дальше... Дальше уже будет работать не техника, а человеческий фактор.

Я открыл створки люка и внимательно осмотрел бомбу, проверил разъемы сбрасывателей и напряжение на клеммах питания. Потому что если бомба вдруг не сработает... Все, надо выкинуть из головы негатив. Он не помогает работать.

Я забрался в гравилет и уселся рядом с Алексом на пассажирское кресло. С каркасом за спиной сидеть было не очень удобно, поэтому пришлось сильно отклонить назад спинку.

– Трогаем? – покосился на меня напарник, стиснув рукоять управления.

– Авось пронесет... – сказал я по-русски.

– Что? – не понял Алекс.

– Это древнее заклинание моих предков. На удачу. Давай.

Он очень аккуратно оторвал машину от земли и на минимальной высоте повел к реке. Подниматься выше даже на пять метров было нельзя. Тут еще можно, с учетом шторма, а вот дальше уже никак.

В плане мы написали, что пойдем по руслу реки до полосы прибоя. Но инспектор нас неверно понял. Мы не собирались делать этого вплавь. Вплавь нам не преодолеть тридцати километров, тут он прав. Но и я не обманул его когда сказал, что мы это сделаем на гравилете.

– Там камни, осторожно! – Я вытянул шею и неотрывно смотрел вперед.

– Помолчи... – ответил Алекс.

У него костяшки пальцев на рукояти побелели от напряжения, а гравилет уверенно продвигался к реке по сложной траектории, огибая скальные выступы.

Тут нельзя было спешить, я понимал. Биотехи отслеживают цели по ряду параметров, среди которых размер, скорость, и прочие характеристики. Двигаясь среди скал на малой скорости мы мало отличались от камней и сливались с кронами шумящих над головой деревьев. К тому же шторм. В шторм твари немного теряют чутье.

Достигнув реки, Алекс снизил машину до самой воды, временами касаясь ее ползьями шасси, и взял курс на океан.

Теперь, когда нас засекут сторожевые торпеды прибрежной зоны, мы для них будем мало отличаться от плывущего тростникового островка, каких не мало вместе с нами двигалось между заросшими берегами. И средства обнаружения самой платформы тоже не должны были на нас отреагировать, потому что мы двигались так низко, как только могли.

В свое время мы провели серию очень опасных экспериментов чтобы эмпирическим образом вычислить дыры в оборонной системе биотехов. Но оно того стоило. Так уж мир устроен, что сколь бы ни была велика мощь, всегда найдется крошечная лазейка.

А вот человечество, как вид, не могло себе позволить прощупывать океан так, как это делали мы. Ему, человечеству, оказалось проще обождать пару сотен лет, пока биотехи сами передохнут от старости. Куда ему спешить? У него впереди вечность...

Напарник старался использовать подходящее для нас направление ветра и запускал турбины на малую мощность только когда река делала повороты. Ураган сам нас сносил к полосе прибоя. Не даром я так взбодрился, когда услышал прогноз.

Мы двигались над водой посередине реки. Вскоре лес сделался ниже, заросли тростника по берегам кончились и потянулись широкие песчаные пляжи, кишачие сильно расплодившимися тут крокодилами.

Древние рептилии, похожие на корявые бурые бревна, неподвижно лежали на белоснежном песке и не обращали на проплывающий гравилет никакого внимания. У них тоже были свои приоритеты, но вот окажись мы в воде, сразу бы заняли нишу в пищевой пирамиде здешней фауны.

Океан неумолимо приближался, сквозь свист ветра уже отчетливо слышался шум прибоя. Я старался держать тело расслабленным, но рефлексы брали свое. Сердце забило чаще, а по затылку начал гулять предательский холодок.

Это все было ни к чему, так как ускорение метаболизма неизбежно приводит к увеличению потребления кислорода, а его грибок и так выделял ограниченное количество. Причем сказалось оно быстро, почти сразу зашумело в голове, что являлось первым признаком легкого удушья.

Тут же сработал дыхательный рефлекс и я непроизвольно сделал несколько вдохов. Легкие провентилировались и все успокоилось. На воздухе проблема решалась легко. А вот под водой было бы тяжело. Там нервничать нельзя вовсе. И перенапрягаться нельзя. Там не продышишься воздухом, если что.

– Волнуешься? – покосился на меня Алекс.

Он тоже дышал, я видел, как вздымалась грудная клетка под гидрокостюмом.

– Есть немного. Лучше отнервничать на воздухе.

Напарник улыбнулся.

Русло реки расширилось и мы увидели впереди пенную полосу прибоя. Отступить было некуда. Попутный ветер подталкивал нас в сторону цели и вскоре, когда кончилось русло реки и мы вырвались на оперативный простор.

Ветер дул с такой силой, что отпала всякая необходимость включать турбины. А без них обнаружить нас было сложно. Особенно в шторм.

За полчаса мы отделились от берега километров на десять.

Шторм крепчал, волны вздымались такие, что иногда задевали пеной полозья машины. Тогда нас ощутимо встряхивало, но подниматься выше было нельзя.

Гравилет крутило и болтало, Алекс давно оставил попытки хоть как-то стабилизировать его в пространстве рулями. Это все равно не имело смысла. Но от постоянного вращения и болтанки меня уже ощутимо подташнивало.

Зато организм окончательно адаптировался к действию грибка и прекратил панику на уровне рефлексов. Мы еще съели сахар, хотя трудно было заставить себя принять в пищу хоть что-то. Даже тающие во рту кусочки.

Несмотря на кружение в голове я не отрывал взгляд от монитора локатора. Система была пассивной, на основе военного высокочастотно-акустического устройства, доставшего нам от Бориса.

Сразу как оно оказалось в нашем распоряжении, мы отсканировали единственную микросхему, и нашлепали в заводских условиях достаточно копий, чтобы не иметь недостатка в собственных системах обнаружения биотехов. Без этого было бы очень и очень плохо, потому что активные сонары, как на «Принцессе Регине» применять было нельзя, ведь торпеды кидались на все ультразвуковые источники с яростью акул, ошалевших от крови.

Пассивный локатор здорово выручал, и теперь я, с его помощью, внимательно следил за перемещением по акватории нескольких патрульных стай. Каждая торпеда обозначалась на мониторе крошечной изумрудной искоркой с туманным флажком индексной маркировки над ней.

– Что там? – спросил, наконец, Алекс. Его, похоже, тоже мутило.

– Они кишат вокруг нас, – ответил я.

Три стаи патрульных торпед по пять особей в каждой еще минут двадцать назад прервали параллельное берегу движение и начали обходить нас с трех сторон. Изумрудные точки, обозначавшие тварей на мониторе, то и дело ярко вспыхивали – это торпеды перекивались между собой. Они нас учуяли, но пока не могли идентифицировать.

Алекс наклонился ближе к монитору, оценил обстановку и снова откинулся назад, упершись боевым каркасом в спинку пилотского кресла.

– Пока далеко, – сказал он.

Но я ощутил, как изменился его голос. Он же хотел адреналина. Пусть получает.

На самом деле обстановка заметно накалилась. Торпеды не просто отклонились от курса, они нас окружали.

Вожак одной из стай взял на себя общее командование, это я видел по усиленному миганию ближайшей к нам точки. Пришлось включить анализатор ультразвукового спектра. Мы еще не научились полностью понимать сигналы, какими торпеды обменивались в бою, но команду к атаке, которую подают вожаки стай, мы вычленили, записали и ввели в компьютер. И как только она прозвучит под водой, локатор оповестит нас тревожным зуммером.

Вскоре на мониторе появились еще три точки, куда более тихходные. Это подтягивались к месту возможного столкновения тяжелые, тупые и неповоротливые автономные торпеды МАТ-26, предназначенные для уничтожения тихходных целей на поверхности океана.

– МАТы подтянулись, – кивнул я на монитор.

– Они принимают нас за крупный тихоход на поверхности. – усмехнулся Алекс.

– Ага, – я тоже улыбнулся. – Пока нам вполне успешно удается пудрить им мозги.

– Почему они не идут в атаку? – задумался напарник.

– Предполагаю, что у них есть некий алгоритм, предохраняющий от нападения на пустое, необитаемое дрейфующее судно. А характер нашего теперешнего движения представляет собой именно дрейф. Они не хотят взрываться попусту. Перенастроенный инстинкт самосохранения.

– Но что-то у них не сходится с этим «пустым» алгоритмом, – в голосе Алекса послышалось еще большее напряжение. – Иначе ушли бы.

– Что-то не сходится. Может, они голоса наши слышат?

Решили помолчать. Психологически стало хуже. Болтанка, почти полная тьма под толстым покровом туч, а тут еще и тишина, заполненная неистовым ревом шторма. И стягивающееся кольцо торпед. Алекс снова задыхался. Нервничает. Хотя у меня у самого то и дело просыпался дыхательный рефлекс от недостатка кислорода в крови.

Основа нашего плана состояла именно в том, что нас не засекут хотя бы до половины пути. В принципе не должны были засесть, но ни у кого из людей, кроме нас, не хватало духу это проверить. Слишком уж судорожный ужас вызвало одно лишь упоминание об искусственных тварях глубин.

На пятнадцатом километре локатор показал наличие тяжелой мины. Она вела себя довольно тихо, лишь раз в минуту сканируя пространство ультразвуковым выкриком. Судя по спектру голоса, это была «Берта», первая в минном заграждении вокруг платформы.

Не смотря на тишину в салоне, торпеды отставать не спешили. Они двигались за нами, не выпуская из замкнутого кольца. Что у них вызывало подозрение, я не понимал. И это меня напрягало. Пора было брать контроль над ситуацией в свои руки.

– Скидывай первый буй, – сказал я Алексу.

Он кивнул и нажал клавишу открывания нижних створок погрузочного люка. Там, кроме бомбы, прятались кассеты с имитаторами шума винтов. Это тоже была наша эксклюзивная разработка. Хотя на мысль о них меня навел отец, когда рассказал мне перед смертью о возможности дурить торпедам голову разными сигналами. В нашем исполнении это были маленькие буйки, издающие точно такой же звук, как идущее средним ходом суденышко. Приманка для торпед.

– Есть сброс, – оповестил меня напарник.

Торпеды отреагировали тут же. С их точки зрения дрейфующее судно, за которое они принимали наш гравилет, внезапно включило винты, чем подало признаки жизни. А жизнь для биотехов то же самое, что для быка красная тряпка тореадора.

Естественно, они все внимание переключили на источник звука, а нас продолжало сносить ветром в нужную сторону. С каждой минутой расстояние между нами и буйком-имитатором возрастало. В результате про гравилет торпеды быстро забыли и начали перестраивать боевые порядки для атаки на более важную, как им казалось, цель.

Первыми выдвинулись три патрульных торпеды. Они описали широкую дугу и начали заходить со стороны ветра на имитатор. Я понял почему. Бук тоже сносило, хоть и гораздо медленнее, чем нас, а следовательно у него был вектор движения по ветру. Принимая его за корабль, твари пытались зайти с кормы, так проще поразить винты.

Разворачивающееся на мониторе действие меня невольно увлекло. Я смотрел и запоминал тактику групповой стайной охоты биотехов. Все, что я видел до этого, было реакцией на наше грубое силовое вторжение в океан. А тут можно было наблюдать тварей в естественных для них условиях.

Когда мы, начав Большую Охоту, пронизывали воду на батиплане, колотя во все стороны из всех орудий, биотехам оставалось только защищаться. Проблема оказалась лишь в их количестве. В одну из таких вылазок мы отстреляли весь боезапас, попытались улизнуть на полном ходу, превосходя тварей в скорости, но их было слишком много.

Они зажали нас в кольцо и торпедировали. Хорошо еще близко от берега, так что всему экипажу удалось добраться до берега под прикрытием Дока, вооруженного гарпунным карабином. Теперь же я наблюдал естественную охоту торпед. Ту, для которой их создавали. Выследить и уничтожить.

Смысл тактики был понятен и ясен. Несколько легких торпед заходят с кормы и поражают винты, а когда судно теряет ход, подтягивается один-два тяжелых МАТа и создают в бортах пробоины, несовместимые с плавучестью.

Когда торпеды выстроились косою цепью и, получив сигнал вожака, вышли на атакующую скорость, я при помощи пульта удаленного контроля заглушил звук имитации шума винтов.

Торпеды и тут отреагировали моментально. Они издали несколько сигнальных выкриков, оповещая остальную стаю об изменившейся ситуации, после чего две торпеды ушли правее, а одна левее. Это говорило о том, что они помнят место, в котором «заглохли винты». Координаты засели у них в коре головного мозга устойчивым очагом возбуждения.

И теперь они пытались зайти с двух сторон и засечь само судно, а не шум от него, посредством ультразвуковых сонаров. От основной стаи к ним на подмогу выдвинулись еще три патрульных торпеды. Медлительные МАТы остались дрейфовать под прикрытием остальных.

– Сбрасывай второй буй, – скомандовал я.

Как только заработал второй имитатор, сразу активизировался вожак стаи. Искорка, обозначавшая его на мониторе, начала часто мигать, это тварь отдавала команды в ультразвуковом диапазоне.

Понятно, что в умах биотехов начался переполох. С их точки зрения корабль моментально переместился в пространстве более, чем на километр, ведь винты заглохли в одном месте, а запустились в другом. Это выходило за рамки их алгоритмов. Сильно.

Но, не смотря на это вожак отреагировал вполне адекватно. По его команде шесть торпед остались в зоне действия первого имитатора, на время замолкшего, а шесть направились ко второму. С вожаком в отдалении остались две патрульных торпеды и МАТы, от которых во время погони не было ни малейшего толка.

Все шло настолько по моему сценарию, что на душе стало чуть беспокойно. Действительно, как заметил инспектор, все очень просто. Вот только простота эта не с неба свалилась, она стала продуктом трехлетних наблюдений за биотехами, анализа данных из тетрадей отца и разработки устройств, способных эффективно противодействовать искусственным тварям. Знал бы инспектор, сколько на это ушло моральных и физических сил... К тому же Большая Охота стоила жизни одному из нас. А это все усложняло.

Но у меня был опыт, а он безапелляционно заявлял, что с биотехами легко не бывает. И если кажется, что легко, значит где-то ты уже проиграл, просмотрел, профукал, значит жди трудностей в самый неожиданный и неподходящий момент. И я ждал. Это вызывало излишнее напряжение, иногда пробуждало замерший дыхательный рефлекс, но иначе было нельзя.

Как бы там ни было, нам удалось не только разделить стаю, но и привязать все ее части к определенным, пусть и смещающимся, точкам пространства. Теперь нам необходимо было вовлечь в эту игру как можно больше тварей.

– Кидай третий буй, – скомандовал я.

Услышав еще один источник шума винтов, остатки стаи, во главе с вожаком, устремились к нему. Тут же я активизировал первые два буй, чтобы подразнить торпеды, дать им понять, что потенциальная добыча с ними играет. А через десять секунд все выключил. Этого времени было достаточно, чтобы координаты замолкших имитаторов отпечатались в мозгах торпед и не дали тварям уйти.

Искорка, обозначающая вожака на мониторе, принялась активно мигать. Поскольку ему никто из стаи не ответил, я сделал вывод, что он пытается установить коммуникацию с кем-то на стороне. Не с платформой, она была еще далеко, да к тому же у патрульных торпед, насколько я понял, с платформами какая-то иная связь, не акустическая. Может электрохимическая, а может даже телепатическая. От этих тварей всего можно ожидать.

Уже минут через пять мои предположения подтвердились. На мониторе начали появляться все новые и новые торпеды. Они подтягивались со всех сторон десятками, сначала быстрые патрульные «Стрелки», потом тяжелые, питающиеся планктоном твари. Они перекивались между собой, их становилось все больше и больше. И они изменили тактику, начали плотно протесывать подозрительный квадрат.

Мы сбросили еще один буй, а потом я начал по очереди включать их, сбивая торпеды с толку. У меня на этот счет была некая теория. Я был уверен, что торпеду можно... загипнотизировать.

Ведь что такое гипноз? Это устойчивый очаг возбуждения в коре головного мозга, который настолько силен, что во всей остальной коре вызывает торможение. Достаточно очень сильно сконцентрировать внимание человека на каком-то предмете, или перегрузить каналы получения информации, как человек быстро впадает в гипноз. С курицей еще проще, она впадает в ступор если резко начертить мелом у нее перед глазами белую линию.

Согласно моей теории мыслительный аппарат торпед тоже можно было перегрузить. Но чтобы это сделать на практике, надо понять, какие алгоритмы их мозг просчитывал быстрее, какие с большим трудом. Пока же наблюдений на этот счет было собрано маловато. В точности мы знали только, что торпеды с удивительной точностью и скоростью просчитывали неизвестную часть траектории по известному ее участку.

Особенно хорошо это получалось у «Стрелок». То есть, они двигались не к тем координатам, в которых цель находилась, а к тем, где она будет находиться в нужный момент. При изменении скорости или направления движения цели эти торпеды реагировали моментально и вносили необходимую коррекцию.

Этот инстинкт создатели биотехов несомненно позаимствовали из генофонда хищников, но я был уверен, что эта сильная сторона торпед является, одновременно, их ахиллесовой пятой. Если заставить их просчитывать физически невозможные сигналы, то мозг у них может и заклинить. Просто обязан он заклинить, как заклинивает он у всех более или менее развитых существ. А торпеды были очень развитыми. Просто их развитие весьма однобоко.

Три года назад я уже пробовал скармливать патрульным торпедам парадоксальные сигналы, но в решении своей задачи не преуспел. Твари просто игнорировали мои подачи, как только понимали, что это не цель.

Но теперь я решил усложнить фокус. Я предполагал, что уж шум винтов они не игнорируют. И не ошибся. Ни одна из них не ушла. Но ни одну и не заклинило. Чего-то я все же не предусмотрел. Мощнее у них оказались мозги, чем я рассчитывал. Парадоксальные, на мой взгляд, сигналы напротив побудили тварей к повышенной активности. Десять быстрых «Стрелок» отделились от основной стаи, рассредоточились по воображаемой окружности приличного радиуса и начали патрулировать подозрительную акваторию.

Каждая взяла по своему сегменту дуги. Через такой заслон и крохотной рыбешке не проскочить незамеченной. Тут же на мониторе локатора замигал сигнал тревоги. Это анализатор ультразвукового спектра засек команду вожака к атаке.

Первыми на нее отреагировали ГАТы. Они довольно резво перестроились и вышли на прямые боевые курсы, точно на искорки замолкших буев. Торпеды прочно запомнили их координаты, теперь в том не оставалось сомнений. Патрульные тут же бросились врассыпную, чтобы не сдетонировать от ударной волны скорых взрывов.

– Вот гады, – прошептал Алекс.

По монитору пробежала зеленая рябь. Это был отголосок трех мощных взрывов, а в сотне метров позади нас взмыл в воздух пенный столб.

– Допрыгались! – я тоже не удержался от выражения эмоций.

– Бросать еще? – Палец Алекса замер на клавише сброса очередного буя.

– Кидай, хуже не будет.

Я глянул на монитор локатора и обомлел. Там появилась новая цель. Слишком быстрая для торпеды.

– Ракета! – выкрикнул я, хотя никакого смысла в предостережении уже не было.

Когда ракета видна на мониторе, сделать, как правило, ничего нельзя. Но Алекс не из тех, кто будет сидеть сложа руки. Он кубарем вывалился из пилотского кресла и по-медвежьки ввалился в грузовой отсек, свернув с петель тонкую алюминиевую створку люка. До ракеты оставалось чуть больше полутора километров, когда из грузового отсека донесся почти звериный рев:

– Боковой люк!

Я понял, что задумал Алекс. Он снова вломился в кабину, смяв все, что осталось от поврежденной створки. Но теперь он сжимал в руках тяжелое дальнобойное ракетное ружье «SG-2000». К появлению напарника я успел распахнуть боковой люк со стороны пилота и отскочить в сторону. Очень вовремя, потому что Алекс мало что разбирал на пути и еще меньше заботился о сохранности окружающего пространства.

Мельком глянув на монитор, он оценил скорость, курс и удаление до ракеты, повернул кольцо замедлителя и, замкнув казенник ружья, прижал пальцем спусковую пластину. Ружье мощно грохнуло, а ослепительно-яркий сполох разогнанного снаряда прочертил тьму под тучами и скрылся за завесой бушующего шторма.

Свист двигателя снаряда наш пассивный локатор улавливал не хуже, чем мощный рев маршевых дюз биотехнологической ракеты, поэтому на мониторе теперь были видны две быстро сближающиеся точки. Через четыре секунды по экрану пробежали зеленые концентрические кольца взрыва снаряда. Но он рванул раньше, чем сблизился с ракетой на расстояние возможной детонации. Прوماх. Ракета стремительно приближалась. Но тут воздух в кабине упруго сжалось еще одним выстрелом. Алекс, умница, не дремал, а на всякий случай перезарядил ружье, пока я тупо пялился в монитор.

«Вот вам и просто...», – подумал я, вспомнив инспектора.

Второй снаряд был выставлен на меньшее замедление, поэтому взорвался в восьмистах метрах от нас, но зато очень близко от несущейся к нам ракеты. Настолько близко, что она рванула, не долетев до цели. Впереди словно полыхнула огромная молния, а затем я увидел муаровый пузырь ударной волны, раздувающийся с огромной скоростью. И пленка этого пузыря неслась фронтом прямо на нас.

Я успел броситься на пол, под приборную панель, пытаясь увлечь за собой Алекса. Но он справился сам, рухнув мне на спину такой тяжестью, что у меня едва глаза из орбит не вылезли.

Но это была мелочь в сравнении с ударом взрывной волны. Мир вокруг содрогнулся, треснул, разлетелся осколками акрила из лобовых окон, взвыл и заскрежетал металлом свернутых искореженных турбин. Гравилет словно прихлопнули сверху исполинской мухобойкой, так он влип в поверхность бушующего океана.

И тут же все стихло. Точнее не стихло, а сменилось непрерывным ровным свистом в ушах, через который с трудом пробивался рев шторма и шум воды, заливавшей грузовой отсек. Я быстро понял, что свистит у меня в ушах, от легкой контузии.

– Ты живой? – прокричал Алекс мне в ухо.

– Типа того! – ответил я, поднимаясь и стряхивая с себя осколки акрила.

По кабине гулял штормовой ветер. Взрывом вынесло не только окна, но и сорвало открытый люк со стороны пилота. Через открытые нижние створки в грузовой отсек быстро набиралась вода. Гравилет все сильнее тангажировал на хвост и по моим расчетам должен был затонуть минуты за три.

Зато локатор, созданный на основе военного образца, уцелел после взрыва. Монитор исправно показывал, как торпеды, перегруппировавшись, направились в нашу сторону. Теперь, когда мы оказались в воде, они без труда прошупывали нас сонарами.

– Я ее убил! – удовлетворенно выкрикнул Алекс, откинув в сторону ружье. – Я убил ракету!

Когда я убил первого в своей жизни биотеха, у меня не было времени на бурные эмоции. На самом деле у нас сейчас его тоже не было, но у Алекса так горели глаза, что мне захотелось его поддержать.

– Поздравляю с первой удачной охотой! – ответил я. – Но чтобы она не стала последней, нам надо пошевелиться.

Для иллюстрации своих слов я ткнул пальцем в монитор локатора. Через секунду Алексу уже не нужны были дополнительные объяснения.

– Воды до фига набралось в отсек. – Он заглянул за искореженную алюминиевую створку. – Нам не взлететь. У тебя есть идеи?

– Надо убить платформу, – твердо заявил я. – Будем сбрасывать бомбу и действовать дальше по плану. Без бомбы гравилет сможет взлететь.

– А если не взлетит? Нас тогда угробит взрывом вместе с торпедами.

– Есть другие предложения?

Вместо ответа Алекс протиснулся в залитый водой отсек и нырнул. Хорошо, что мы заранее сделали инъекцию грибка. Повывалялись перед инспектором, а оно вон как обернулось. Ирония судьбы. Но пока эта шуточка была в нашу пользу. Через минуту Алекс вернулся в кабину с монтажным плазменным резаком.

– Надо вырезать антигравитационный привод, – сказал он. – Прицепимся к нему, взлетим, а гравилет пусть тонет вместе с бомбой. На нужной глубине детонатор сработает и все будет о'кей.

– Вырезать? – Я обалдел от такого подхода. – Да на это минут десять уйдет! А торпеды? Они тут будут куда быстрее!

Вместо ответа Алекс пролез в грузовой отсек и принялся вооружаться. Достал из ящика тяжелый однозарядный гарпунный карабин, вставил в щель затвора толстый реактивный гарпун, а дополнительный боезапас загрузил в боевой каркас за спиной.

К этому же каркасу он прицепил несколько кассет с портативными глубинными бомбами, четырехзарядный портативный торпедомет с управляемыми малокалиберными торпедами для поражения целей на дистанции до полутора километров, на пояс повесил длинный нож, а так же инъектор с запасом грибковой сыворотки и глюкозы.

В гидрокостюме с откинутым назад затопляемым шлемом, в грубых перчатках и с огромным карабином на ремне Алекс выглядел очень эффектно.

– Вырезай привод! – твердо сказал он. – А я придержу торпеды. Только живо! Я не железный!

Две «Сирены», судя по меткам локатора, выделившись из общей массы биотехов, вышли на характерные для них симметричные атакующие дуги. Они заходили на нас одно-

временно с правого и левого борта. А четыре «Стрелки» по команде вожака рванули напрямик. По всей видимости, биотехи плохо представляли себе характер цели, а потому задействовали больше бойцов, чем при обычном регламенте нападения на тихоходное судно.

Но мне некогда было пялиться в монитор. Я включил резак и направил струю раскаленной плазмы на один из силовых элементов, крепящих антигравитационный привод на днище. К счастью привод Шерстюка не требовал никакой энергии, поэтому его можно вырезать как угодно, вплоть до главной ходовой сферы. А как ее повернуть на нужный угол, чтобы отрегулировать тягу, можно и потом разобраться.

Срезав первый из четырех кронштейнов, я не удержался от любопытства и глянул на монитор. Алекс не просто был под водой, он вел бой. И благодаря его усилиям из четырех атакующих «Стрелок» осталось лишь две. Точнее одна, поскольку очередную торпеду гарпун сразил на моих глазах.

Хуже дело обстояло с «Сиренами». Они имели привычку заходить на цель по широким дугам, долго оставаясь в недостижимости противоторпедных средств. Поразить их можно лишь на конечном, более прямом, участке траектории. Но, как правило, бывает поздно. Я поднес к лицу запястье с коммуникатором и сказал:

– «Сирены!»

Рассчитывать на ответ не имело смысла, поскольку Алекс находился под водой, в полностью затопленном шлеме, с заполненными водой легкими и носовыми пазухами. Так что общаться он мог только по коммуникатору, нажимая кнопки. Но ему было точно не до того.

На малых глубинах легкие можно было бы водой не заполнять, поскольку процедура эта не из приятных. Но глубже давление попросту стиснет грудную клетку до перелома ребер. Приходится загонять несжимаемую жидкость всюду, куда только можно, а уж в легкие обязательно.

Алекс все же отреагировал на мое предупреждение. Монитор локатора показал, как пущенный из карабина гарпун ушел в сторону «Сирены», заходившей с левого борта. Но оставалась еще одна, и две «Стрелки», идущие прямым атакующим курсом.

Мне надо было как можно быстрее вырезать привод, от этого зависело очень многое, но в то же время я понимал, что Алексу без меня не справиться, что у мощного, но однозарядного, карабина попросту не хватит скорострельности для поражения всех целей.

К тому же за первой атакой неминуемо последует следующая, а потом еще и еще. Сколько понадобится. Невообразимая численность была основным преимуществом биотехов. Удастся ли когда-нибудь использовать это против них? Пока мне еще ни разу не удавалось.

Передо мной встал нелегкий выбор. Либо продолжать работать плазморезом, или хватать карабин и нырять Алексу на подмогу. Рациональность второго варианта была более очевидной, но очевидность чего бы то ни было давно перестала быть для меня значимой мотивацией поведения. Когда дело касается Охоты, тут надо думать по другим алгоритмам.

От немедленного погружения меня удерживала манера биотехов драться до полного уничтожения противника, подтягивать все новых и новых бойцов бесконечно, пока цель не будет достигнута. Точнее, уничтожена. И если мы оба втянемся в затяжной бой, привод вырезать будет некому. Это тупиковый путь, который неминуемо приведет нас к поражению. Мы все равно не сможем с двумя карабинами противостоять всем, населяющим океан, биотехам.

Какой бы сложной ни была для нас ситуация, нам все равно необходимо ее развивать. Бой же наоборот заставит нас зависнуть в навязанной роли. Я бросил последний взгляд на монитор, прекрасно понимая, что Алексу долго не продержаться, а потом включил резак и продолжил работу.

Свернув второй кронштейн, я снова взглянул на монитор. Алекс дрался великолепно. Он поразил «Сирену» с левого борта, снял всех, кроме одной, «Стрелок», но не успел поразить «Сирену» по правому борту.

Но хотя его результат был более чем впечатляющим, особенно для первого раза, торпеды все равно подошли близко к гравилету. Слишком быстро. С двумя наиболее опасными целями Алекс точно не успеет разделаться.

Напарник выпустил гарпун в сторону более скоростной и выносливой «Сирены», а затем начал стремительно уходить в глубину. Ход был грамотный, он вынудит оставшуюся «Стрелку» выбирать между поражением гравилета и поражением самого Алекса. А это даст нам время. То самое драгоценное время, которое было в нашем случае главнейшей ценностью.

Обычно торпеды склонны выбирать в первую очередь более сложные цели. На это наверняка рассчитывал Алекс, на это рассчитывал и я. Потому что более сложной целью был мой напарник. И пока торпеда будет за ним гоняться, уворачиваясь от гарпунов, я, может быть, успею высвободить привод.

Но тварь поступила нетривиально, продолжила атакующий курс на гравилет. Я видел, как она приближается, игнорируя быстро уходящего в глубину Алекса. Теперь действовать нужно было не быстро, а молниеносно. Хотя вариантов решения проблемы было так мало, что действовать я начал почти не задумываясь. Засунув плазморез между кронштейном и сферой привода, чтобы потом не искать его по всему затопленному отсеку, я, почти по грудь в воде, бросился к ящикам с вооружением.

Ох, не даром прошли последние три года! Часто затишье перед бурей позволяет пережить саму бурю. У нас было время усовершенствовать снаряжение для Охоты, а теперь пришел час проверить его. Потому что в теории часто бывает одно, а на практике получается совершенно иначе. Мне оставалось лишь надеется, что наши новшества не подведут.

Хорошо, что выделяясь перед инспектором, мы заранее распахнули все ящики. Под водой это отняло бы несколько драгоценных секунд, а так я сразу выхватил свою последнюю инженерную разработку, ручную реактивно-бомбовую установку.

Идея создания этого оружия росла корнями из детства, когда нам с борта «Принцессы Регины» пришлось отбиваться от атакующих торпед при помощи обычных ракетных ружей. И это в какой-то мере сработало, поскольку при установке вменяемого замедлителя взрыва ракеты, она на большом удалении погружалась в воду и взрывалась под поверхностью, вызывая несанкционированную детонацию биотехов.

Но у ракетных ружей было несколько серьезных недостатков, которые я решил устранить.

Во-первых, в отличие от ракет, я оснастил реактивные глубинные бомбы не замедлителем взрыва по времени, а детонатором, срабатывающим при приближении биотеха.

Во-вторых, специальным кольцом теперь можно было отрегулировать, на какую глубину погрузится бомба, чтобы ждать цель.

И, в-третьих, я значительно увеличил калибр боеприпаса, доведя его до пятидесяти миллиметров.

Ружьишко при этом получилось довольно громоздким, но теперь наступил момент узнать, насколько это было оправдано.

Я вставил в боевой каркас за спиной несколько глубинных бомб. Кольцом на последней, выставил ожидание детонации на трехметровой глубине, сунул ее в казенник ствола, защелкнул затвор, вскинул бомбомет к плечу, прицелился через выбитый взрывом боковой люк и выжал спусковую пластину.

Отдача от ушедшей с душераздирающим воем реактивной бомбы оказалась весьма ощутимой. Неизбежно дали о себе знать пятьдесят миллиметров калибра и мощный пер-

вичный вышибной заряд. Но мне некогда было думать об этом, поскольку установка противоторпедных глубинных бомб имеет смысл только в том случае, если ставить их плотным барьером на разных глубинах. Поэтому стрелять надо было часто, довольно широким веером, чтобы не дать твари обойти заграждение по дуге.

Ну, я и начал молотить в нужном направлении, быстро отстреляв весь боезапас из каркаса. Теперь грузовой отсек был заполнен не только водой, но и плотным удушливым дымом от движков выходявших на траектории реактивных бомб.

Благо, грибок в крови исправно поставлял кислород и давал мне возможность не дышать этой гадостью.

Подгребая руками, я со всей возможной скоростью устремился через затопленный отсек в кабину, взглянуть на монитор локатора. Мне важно было видеть, как торпеда отреагирует на выставленную ловушку. И окажется ли ловушка эффективной.

Изумрудная искорка «Стрелки» продолжала рваться вперед, значительно сократив расстояние до гравилета, кроме того, ей на подмогу с запада мчались СГТ-20, скоростные глубинные торпеды боевого охранения платформы.

Эти твари состояли больше из мышц, чем из нитрожира, что позволяло им без труда разгоняться до шестидесяти, а иногда до семидесяти узлов под водой. Правда в этом им помогали, конечно, не только мышцы, но и особая структура кожи, не дающая возникать вихрям и кавитации.

Их легко было отличить на локаторе, поскольку они непрерывно визжали в ультразвуковом спектре, и на мониторе выглядели не точками, а длинными изумрудными трассами. Алекс, увидев на своем локаторе изменение обстановки, прекратил погружение и начал быстро всплывать.

Талантливый он все же, зараза. Понял, что надо делать без всяких команд. Не обращая больше внимания на «Стрелку», рвущуюся на заграждение из глубинных бомб, он перевел всю огневую мощь на пятерку СГТ-20. Вот только СГТ-20 не были столь легкими целями, как умные, но довольно медлительные «Стрелки».

Стремительные и маневренные, они иногда уворачивались от гарпуна, движущегося хоть и на дозвуковой, но все равно на очень большой скорости. Поэтому для поражения пяти тварей гарпунов могло потребоваться втрое больше. Но главным фактором в таком бою являлось не количество гарпунов, а количество отпущенного времени. Поэтому каждый промах значительно сокращал шансы боевого пловца не в силу расхода боеприпасов, а по причине пустой траты времени.

«Стрелка» достигла моего бомбового заграждения, проскочила на глубине первые две ловушки, но третья, самая затопленная, сработала в непосредственной близости от биотеха и подорвала его. В штормовое небо взлетел столб воды, а гравилет сильно качнуло. Я не удержался и впечатался боевым каркасом в переборку.

Я рванулся вперед, чтобы продолжить вырезать антигравитационный привод, но не тут-то было. Каркас за моей спиной зацепился за искореженный алюминий и не пустил вперед.

Выругавшись, я отстегнул защелки ремней и высвободился, оставив каркас с боезапасом и снаряжением до лучших времен, а сам схватил плазморез и направил струю пламени на оставшийся кронштейн.

Гравилет снова сильно качнуло, я не удержался на ногах и с головой погрузился в воду, едва не полоснув себя по руке плазмой. Это рванула одна из СГТ-20, пораженная Алексом. Есть одно попадание! А это уже хорошо.

Мой напарник был вооружен тяжелым однозарядным карабином ТУК-15, способным поражать цели на любых доступных нам глубинах. Короткий пятнадцатисантиметровый

гарпун имел калибр сорок миллиметров и штыковой четырехгранный наконечник, снаряженный сорока граммами морской смеси в оболочке из полуготовых осколочных элементов.

Первичный разгон из ствола гарпун получал от мощного бризантного пиропатрона, а при попадании в воду срабатывал реактивный двигатель, топливом для которого являлся порошок, активно выделявший гремучий газ при контакте с водой.

Для снижения сопротивления в жидкой среде часть реактивных газов отводилась через носовые протравочные отверстия, что позволяло гарпуну двигаться в создаваемом им же коридоре из водяного пара. В результате снаряд двигался очень быстро и был способен поражать цели на дистанциях порядка двух с половиной километров.

Гарпун был частично управляемым, стрелок мог отклонять его траекторию во время движения, корректируя ее по изменяющимся меткам целей на мониторе локатора. Но даже это не гарантировало точного попадания, когда речь шла о такой сложной дичи, как скоростные торпеды боевого охранения.

Я это понимал прекрасно, поэтому подобрал валявшийся на дне резак и продолжил работу. У меня не было иллюзий по поводу победы Алекса в этой схватке, поэтому надо было как можно скорее освободить привод и подняться на нем в воздух, бросив сам гравилет и притаившуюся под его брюхом бомбу.

Примерно через минуту мне это удалось. Я освободил ажурную сферу от последнего кронштейна, пристегнул один конец троса карабином к поясу, а другой к скобе привода.

Справившись с этой несложной задачей, я отправил Алексу сообщение. Напарник не ответил, но, судя по меткам на мониторе локатора, у него на это банально не было времени.

После потери одного из бойцов, оставшаяся четверка скоростных торпед предприняла обходной маневр. Две обошли Алекса с одной стороны, две с другой. Но стоило им чуть приблизиться к боевому пловцу на дистанцию более или менее эффективного взрыва, как карабин показал себя с самой лучшей стороны.

На малых дистанциях, из-за большой скорости гарпуна, торпеды не успевали уворачиваться от снарядов. В результате Алекс метким попаданием сразил очередного биотеха, а остальные вынуждены были разорвать дистанцию и ждать, когда у стрелка закончится боезапас.

Нас это полностью устраивало, поскольку давало таймаут. Как только Алекс в этом убедился, я получил от него сообщение: «Готовься, иду».

Я, в общем-то, был готов. Мне надо было только вернуть зацепившийся за переборку каркас со снаряжением. Но я не успел. Одна из СГТ-20, не имея возможности поразить боевого пловца, устремилась к другой, более доступной цели. К нашему гравилету, продолжавшему медленно тонуть среди бушующих волн.

Меня спасло только то, что торпеда решила перестраховаться, не переть напролом, а сделать круг для уточнения возможных опасностей. И этот маневр стал для нее роковым, поскольку, неожиданно для себя, она нарвалась на устроенное против «Стрелки» бомбовое заграждение.

А вот меня это без всякого преувеличения спасло, поскольку торпеда рванула чуть дальше, чем собиралась.

Но все равно мне пришлось не сладко. Взрыв произошел на совсем небольшой глубине, в небо взлетел столб воды, а по нашей многострадальной машине ощутимо долбануло ударной волной. Потеряв баланс, наполненный водой гравилет сильно завалился на нос и начал тонуть.

Ящики с оружием и снаряжением заскользили по полу и образовали бесформенную грудку у переборки между отсеком и кабиной. Меня самого чуть не придавило, а когда я попы-

тался высвободить свой застрявший боевой каркас, понял, что теперь на это уйдет непоправимо много времени.

Тут через проем выбитого люка протиснулся Алекс.

– Брось! Надо мотать отсюда! – выкрикнул он, перекрывая рев шторма.

Он был прав, хотя дальнейшее выполнение нашего плана не в малой степени зависело от той маневренности, которую давал боевой каркас с водометами и от количества имевшихся при нас боеприпасов. А без каркаса много с собой не возьмешь.

Но Алекс и тут не сплеховал. Пока я возился со вторым тросом, чтобы пристегнуть к сфере привода напарника, он до отказа загрузил свой каркас, да еще приторочил к нему второй карабин.

– Готов? – спросил я, наконец, прицепив его пояс к приводу.

– Да!

Я потянул остатки управляющей штанги и чуть повернул главную сферу относительно ажурного кожуха, добавив тем самым подъемной силы. Конструкция устремилась вверх, мы с Алексом вытолкнули ее наружу и зависли в полуметре над волнами.

– Выше, дьявол тебя возьми! – прохрипел напарник.

Я еще сместил штангу. Вот только точности движений в висячем положении у меня не было никакой, да и привод был рассчитан на подъем многотонной машины, а не двух человек. Мы для него были не тяжелее пушинок, так что рванул он нас вверх так, что из меня чуть внутренности не вывалились.

Лишь через несколько секунд подъем остановился.

– Ни хрена себе! – помотал головой Алекс.

Мы зависли в густой пелене туч, и кроме них ровным счетом ничего не было видно. Было очень прохладно, а уши наглухо заложило от резкой перемены давления. Аж в голове трещало. Глянув на показания навигатора я сообщил напарнику:

– Две тысячи сто метров.

– Главное ничего пока больше не трогай, – ответил он. – Сколько на твой взгляд гравилет продержится на плаву?

– Может минут пять еще, – прикинул я. – Хотя с учетом тангажа на нос, может и меньше.

– Только бы твари его за это время не торпедировали, – нахмурился Алекс. – А то, если повредят бомбу, мы тут с тобой обхохочемся.

– При близком взрыве компрессионный взрыватель тоже сработает.

– Будем надеяться.

Локатор, интегрированный в гидрокостюм, с высоты двух километров не мог отслеживать перемещения торпед, но я и без этих показаний прекрасно знал, что происходит под поверхностью океана. Все торпеды подтягивались к тонущему гравилету. И это полностью соответствовало нашему плану.

– Может чуть выше подняться? – поежился я. – Нам же дышать не обязательно, так что высота в разумных пределах не повредит...

– В задницу! – помотал головой Алекс. – Чуть не так тронешь штангу, подлетим километров на десять и лопнем, как лягушки.

Мне стало все равно. Не любил я такие моменты, когда ровным счетом ничего нельзя сделать. Болтаешься тюфяком... Но не успел я всерьез загрузиться по этому поводу, как под ногами за толстой пеленой туч полыхнуло коротким ярким маревом. Как удар молнии. Через миг тучи под нами дрогнули, а еще через пару секунд через нас прошел фронт ударной волны.

Первое, что я сделал, придя в сознание, сверил показания часов и навигационных координат. Похоже, удача решила продолжить одаривать нас своей лучезарной улыбкой. Мы оба

были живы, что уже весьма не дурно, мы не потеряли и не набрали в высоте, да к тому же ветер довольно бодро гнал нас напрямик на притаившуюся в глубине ракетную платформу. Не плохой набор счастливо сложившихся обстоятельств.

– Хорошо шарахнуло, – поморщился Алекс, приложив ладонь в мокрой перчатке ко лбу. – Каково же там биотехам?

Вопрос я посчитал риторическим. Понятно, что взрыв такой мощи вызвал детонацию всех торпед и мин в радиусе как минимум пяти километров. Чего мы, собственно, и добились.

Иначе бы нам, без боевого подводного корабля, никогда не добраться до цели. А так можно попробовать.

О том, как возвращаться на берег, если вдруг выполним задачу и если хоть один из нас уцелеет при этом, я старался не думать. Взял и отогнал эти мысли усилием воли. Какой с них толк? Гравилет утонул и взорвался, а другого транспорта нет. И связи с базой тоже нет.

Интегрированные в гидрокостюмы коммуникаторы не были рассчитаны на столь большую дальность. И сотовая связь в океане бессильна. Ни одна коммуникационная компания не решится ставить вышки так близко к берегу. Да и для кого?

На гравилете была мощная рация, с которой можно подать сигнал тревоги, но теперь от нее мало что осталось.

Меня порадовало, что и Алекс не стал задавать вопросов по поводу возвращения.

– Надо нырять, – сказал он вместо этого. – А то скоро твари сползутся.

Я очень аккуратно сдвинул управляющий стержень антигравитационного привода и мы заскользили вниз.

Не смотря на мои старания, вода приняла нас жестко. Не до такой степени, чтобы потерять сознание, но приятного мало.

Сначала я хотел спешно отстегивать карабины тросов, иначе увесистая ажурная сфера могла утянуть нас на дно раньше, чем мы рассчитывали. Оставшись без привода, мы получили бы желанную автономность, избавились бы от груза. Но зато наши шансы на возвращение значительно сократились бы. Потому что к тому времени, как мы разделаемся с ракетной платформой, сюда подтянется столько торпед, что пребывание в воде станет абсолютно несовместимо с жизнью.

Вообще-то этим можно было бы пренебречь и устремиться вперед, но с перемещением под водой тоже возникли определенные сложности. Я потерял каркас, а вместе с ним водометы и стабилизаторы подводного скольжения.

Это было не малой проблемой, хоть мы и погрузились в воду значительно ближе к «Регине», чем ожидали, поскольку пока болтались в небе на тросах, нас снесло штормовым ветром в нужную сторону.

Был бы у меня мой каркас, мы могли бы некоторое время просто скользить в воде под наклоном, еще более приближаясь к намеченной цели, а потом выбрать оставшееся расстояние на водометах. Но теперь я бы стал Алексу только обузой, значительно проигрывая ему в скорости и маневренности.

Мы погрузились метров на тридцать, давление глубины мощно сдавило грудную клетку, и я ощутил необходимость заполнить легкие водой. Очень неприятная процедура. Даже проделав ее много раз все равно до одури сложно сделать решительный вдох под водой. Но я его сделал.

В глазах на пару секунд помутилось, по телу пробежали произвольные судороги, но вскоре все успокоилось. Теперь кислород будет поступать в кровь еще и через альвеолы, что хорошо, ибо грибок не всегда отдавал его необходимое количество на повышенных нагрузках.

Окончательно адаптировавшись, я застегнул шлем на креплениях. Вскоре вода под ним нагреется в отсутствии циркуляции, и гидрокостюм будет полностью выполнять возложенные на него функции, то есть, греть и защищать. Но лишь в воде я сообразил, что, в отличие от Алекса, не успел надеть перчатки. В гравилете они мешали, а потом все так быстро произошло...

«Оставайся здесь, держи привод, – жестами показал мне Алекс, не хуже меня понимая все стороны создавшейся ситуации. – Без водометов тебе оставшееся расстояние не пройти».

Жестами под водой оказалось общаться гораздо удобнее, чем тыкать пальцем в перчатке по кнопкам коммуникатора. Эти жесты мы, живя на острове, придумали еще пацанами, когда вопреки запретам взрослых лазили по трюмам полузатопленных кораблей в порту.

В этих вылазках приходилось вести себя очень тихо, иначе можно было привлечь внимание патрульных торпед. Чтобы общаться, малыш Пак придумал жесты для всех слогов, из которых мы, хоть и медленно, могли составлять любые слова. Потом приноровились, даже анекдоты травили таким экзотическим образом, когда не хотели доносить их до слуха взрослых.

Ольга знала язык жестов с детства, ведь мы вместе жили на острове, а вот Алекса пришлось учить. Но он был талантлив во многом, в том числе и в этом, так что выучился довольно быстро, сразу оценив прогрессивность метода.

«Заодно от торпед прикроешь, а то мне будет не до того», – добавил он.

Психолог доморощенный... Решил поднять мою значимость. Хотя, если всерьез разобратся, в этом был определенный резон. Вот только боец из меня, без каркаса с водометами, весьма и весьма плохонький. В бою с биотехами важна маневренность, без нее шансов мало. Не на победу, а вообще мало шансов.

Но меня это уже не волновало. Цель была слишком близка, чтобы менять планы. И меня охватил азарт, хотя моя роль в следующем этапе операции и обещала быть малозначимой. Я только не был уверен, что Алекс справится без меня.

«Давай! Время!» – жестами показал я.

Алекс прислонился стеклом шлема к стеклу моего и посмотрел мне в глаза. Мы могли больше никогда не увидеться, и оба это понимали прекрасно. Кому-то судьба могла дать шанс, кому-то нет. Но думал я не об этом, глядя в глаза напарника. Я заметил в них неуверенность, попавшую в резонанс с моей. Алекс тоже сомневался, что справится.

Внезапно он отстранился и показал жестами:

«Помоги снять каркас!»

Я не сразу понял его идею, но через секунду до меня дошло. Можно было пококетничать, но я посчитал это лишним. Не время на эмоции. Так что я попросту отстегнул крепления, а потом Алекс приладил каркас мне на спину.

«Все, уходи, – показал он. – Нет. Перчатки возьми».

В этом тоже был смысл, поскольку мне придется глубоко нырять, и без перчаток можно запросто потерять руки от холода. Алекс же справится и без них, ему погружаться не придется, скорее всего.

Я натянул чуть великоватые мне перчатки, выставил рули на погружение и начал уверенно соскальзывать в глубину.

Широкий тройной луч налобного фонаря резал тьму, как лезвие огненного меча, но, если говорить всерьез, практической пользы от этого не было ни малейшей, разве что психологически помогало. Ведь оказаться в океанской пучине совсем без света – то еще испытание для нервной системы.

Хотя и с фонарем не видно было ничего ровным счетом. Вокруг меня простиралась только обсидиановая тьма, прорезанная широким сияющим лезвием.

Когда мы проектировали костюмы, решили вывести шкалы всех приборов под шлем, а не крепить их на руки. Это было удобно во всех отношениях, получалось, что достаточно скосить глаза, и можно без усилий считать любые показания о температуре, скорости и глубине, а так же сонограмму локатора.

Теперь же я понял еще одно преимущество такого подхода. Подсвеченное мягким светом подшлемное пространство создавало иллюзию нахождения хоть и в крошечном, тесном, но все же помещении.

Проектор локатора рисовал на акриле забрала только ровное зеленоватое марево с единственной меткой. Это был, разумеется, Алекс. Трудно поверить, но в данный момент в радиусе двух километров от меня не было ни одного биотеха. Да и вообще ничего живого, кроме нас самих.

Но сей факт меня не порадовал. Я надеялся достигнуть цели раньше, чем оно получалось на практике. Раз на платформу не реагирует локатор, значит до нее еще пилить и пилить. В любом случае больше двух километров. А это много. Слишком много, я бы сказал. При чем много не столько по расстоянию, сколько по времени.

Мы ведь уничтожили не всех биотехов в океане. К сожалению. И вскоре они подтянутся. Они всегда подтягивались, сколько их ни бей.

Я падал в глубину по инерции, планируя на небольших крыльях-стабилизаторах по наклонной плоскости. Надо было обвыкнуться в чуждой среде. Момент привыкания я всегда определял по стуку сердца в груди. Если успокаивается, значит можно работать. Но пока пульс меня не устраивал. Слишком частый. А это чревато кислородным голоданием и потерей сознания, чего допускать нельзя.

В этот раз мне понадобилось на адаптацию больше времени, чем обычно. Но, с учетом способа доставки на место высадки, в этом не было ничего удивительного.

Сердцебиение все же пришло в норму. Я зафиксировал этот факт на глубине чуть больше семисот метров. По любым меркам это было очень глубоко. И вряд ли до нас хоть кто-то погружался на такие глубины.

В заполненном водой костюме давление почти не ощущалось, разве что кожей. Но это дело привычки. Хуже будет на больших глубинах, когда дадут знать о себе пазухи в костях, но об этом пока лучше не думать. На это у нас тоже теперь разработаны средства. А поскольку Ольга у нас была биохимиком, то и средства появлялись у нас прежде всего биохимические. А уж потом, иногда, технические.

В голове у меня мелькнула забавная мысль. Вот через много лет, если у нас все получится, мое имя войдет в учебники истории. Несомненно, войдет. А вот что будет написано о нашем биохимическом снаряжении? Что мы ширялись чем попало ради достижения цели? Или умолчат? Умолчат, скорее всего. Потому что ширяться придется жуткими гадостями, в сравнении с которыми грибок попадает под определение невинной детской шалости. Придется. Иначе биотехнологические твари всегда будут иметь над нами преимущество под водой. А так... Поглядим.

На глубине восьмисот метров я адаптировался окончательно и врубил водометы. Теперь на локаторе можно было разглядеть главную цель, биотехнологическую платформу. И она теперь была ближе двух километров.

Сразу пошел адреналин в кровь, но это не плохо. Лишняя стимуляция мне сейчас не повредит, даже с учетом повышенного потребления кислорода. Потому что платформа была не одна. Немалая часть ее боевого охранения в виде мин и торпед уцелела после нашей бомбовой атаки. И скоро они меня засекут своими слуховыми рецепторами.

Все, началась работа.

И первое, что необходимо было сделать, это создать необходимый химический фон в организме. Я извлек из каркаса заранее снаряженную обойму с ампулами и вставил ее

в инъектор. Первый заряд для понижения потребления кислорода теми органами, которые мне сейчас не очень нужны. Легкие отправим в спячку, печень и почки на энергосберегающий режим.

После инъекции я ощутил, как похолодела кожа. Это сузились периферийные сосуды, отгоняя кровь вглубь тела. Но за два часа ничего с ней не станет, не омертвеет.

Второй заряд представлял собой препарат для ограничения тонуса, чтобы мышцы не стояли колом. Третий – обезболивающее. Без него на глубине километра уже некомфортно, давление сдавливает костные пазухи и ощущение, как от сильной ломоты на погоду. Только намного сильнее.

Пока все. Я подкорректировал угол атаки крыльев-стабилизаторов и начал штопором рушиться в глубину.

Начало действовать обезболивающее. Осязательные ощущения остались, как при местном наркозе, а болевые ушли без остатка. Ну и эмоционально разносить начало. Так, в пределах нормы, но ощутимо. Побочные эффекты химии, с этим ничего не попишешь.

Отмечая легкие нарушения координации, я перевел локатор на режим повышенного разрешения. Дальность обнаружения целей сократилась до километра, но зато в зеленоватом мареве изображения проявились искорки более мелких, чем сама платформа, объектов. Это были мины и торпеды. Те торпеды, которые уцелели при взрыве и те, которые успели подняться со стороны по сигналу тревоги. Их оказалось больше, чем я рассчитывал.

Когда тварей мало, они всегда одинаково реагируют на мелкую, вроде пловца-одиночки, цель. Это мы давно заметили и внесли эту особенность в Каталог. Встреча с одиночной торпедой, а тем более с миной, почти наверняка вызовет детонацию на предельно большой дистанции. Чаще всего расстояние столь велико, что не дает боевому пловцу шансов на ответные действия, ведь гарпун идет на дозвуковой скорости. А вот ударная волна на сверхзвуковой, плюща все на своем пути.

Зато когда торпед много, как бывает в боевых охранениях, они не могут прибегать к такой тактике, поскольку велика опасность детонации самих тварей, оказавшихся вблизи эпицентра взрыва. И тогда они действуют иначе. Обнаружив подозрительный объект, выделяют одного-двух бойцов, в задачу которых входит уйти как можно дальше от основной стаи в сторону цели и там взорваться, не подвергая опасности остальных.

В случае неудачи на поражение отправляются еще двое, и так до тех пор, пока задача не будет выполнена. Каким бы кто ни был прекрасным и хорошо вооруженным бойцом, выжить при таком подходе биотехов фактически невозможно, учитывая их количество в акватории. При достаточной сноровке можно поразить пять, ну десять торпед. Но не пятьдесят же! И уж, тем более, не сто.

Однако я вполне правомочно считал Каталог Вершинского не менее мощным оружием, чем торпедометы и гарпунные карабины. Знание, как говорят – сила. Чем больше мы узнавали о повадках тварей, тем сильнее росли наши шансы. Каталог позволял не держать это все в голове, а иметь возможность передать другим, которые наверняка придут нам на смену. Не верил я, что человечество будет спокойно ждать двести-триста лет, пока передохнут все биотехи. Мы не справимся, найдутся другие.

Хотя я не рассматривал Каталог только как средство передачи важной для выживания информации, я рассматривал его как мощное средство стратегического анализа. На основе эмпирически изученных приемов, которыми твари пытались нас уничтожить, мы составляли собственную тактику и стратегию противодействия им. Причем в спокойной обстановке, на базе, а не во время самой атаки. И наш сегодняшний план был составлен как раз на основе такого анализа. И план моих собственных действий тоже. И оружие, которое мы взяли с собой, не было бездумной, пускающей пыль в глаза огневой мощью. Оно было подобрано именно с учетом необходимых задач.

В общем, у нас был шанс. При определенных раскладах.

Локатор продолжал рисовать на забрале шлема изумрудные точки, но я их сознательно не считал. Их было слишком много, а психику незачем попусту портить. В моем положении от устойчивости психики выживание зависело не в последнюю очередь.

Нет, считать тварей было бессмысленно, все равно им числа не было. А вот снизить скорость имело смысл, поскольку было уже известно, что на тихоходные цели биотехи обращают внимание меньше, чем на скоростные. Точнее, не меньше, а позже. И дело было не в моем нежелании как можно скорее вступить в схватку, а в необходимости поближе подобраться к боевому охранению до начала атаки.

Это было основной частью плана, составленного на основе Каталога. Вот только на практике мы этот способ еще ни разу не проверяли.

Я отстегнул от каркаса и изготовил торпедомет. Ему предназначено было сыграть партию первой скрипки в моем оркестре. Расчетная дальность поражения у него была полтора километра, а от первых рядов боевого охранения я уже находился метров на четыреста ближе.

В каждом из четырех стволов, заключенных в общий корпус, находилось по управляемой торпедой с массой боевого заряда в двести граммов морской смеси.

Не ахти какая мощь, но и ее под водой достаточно для того, чтобы вызвать индуктивную детонацию биотехов в радиусе двадцати пяти метров от эпицентра взрыва. Это мы проверяли. В этом я был уверен. А дальше почти все зависело от скорости реакции и точности тварей.

Вернув менее крутой угол атаки стабилизаторов на каркасе, я продолжил погружение, но уже по более пологому сближающемуся курсу. Меня вот-вот должны были обнаружить, но я надеялся выиграть еще хоть одну драгоценную сотню метров. Потому что каждая сотня метров давала снижение подлетного времени моих снарядов. Чем меньше они будут находиться на траектории, тем больше у них шансов достигнуть цели.

Не снижая скорости, я активировал на торпедомете голографический прицел и отключил прорисовку радарных меток на забрале шлема. Чтобы не мешали. Прицел имел хоть и меньшую площадь проекции, но обладал не намного меньшей точностью, чем главный локатор гидрокостюма. К тому же он выдавал огневой сектор в объеме, что добавляло точности и удобства.

Все это позволяло в полной мере контролировать пространство вокруг и иметь возможность управления снарядами на траектории.

Ракетная платформа сияла крупной изумрудной каплей на краю голографической проекции, а ближе ко мне, как зеленый песок, сгрудились торпеды и мины боевого охранения.

В лоб не подступиться, это понятно. Да только кому оно надо, в лоб? Я ждал, когда меня засекут и хоть как-то отреагируют, без реакции биотехов я попросту не мог знать, куда отправить первый снаряд. Но они не реагировали, хотя я приблизился ровно на километр. Дальше все, двигаться было нельзя. Потому что если рванет хоть одна мина с боевым зарядом более тонны, меня может и глушануть.

Ожидание всегда неприятно. А на глубине оно неприятно особенно. И внедренная в организм химия совершенно не способствует спокойному созерцанию. Не для того она создана. Она побуждает к действию.

В общем, за несколько минут я извелся окончательно и начал подумывать об изменении плана. Биотехи словно считывали мое состояние, они зависли в глубине и ждали, когда я сорвусь и нападусь первым. Надо было срочно побудить их к активности. Каким-нибудь, не требующим больших затрат, способом.

В принципе, можно было воспользоваться гарпунным карабином, его дальностью с лихвой хватило бы для нарушения боевых порядков тварей. Вот только не очень это удобно

под водой. Тут не бросишь под ноги одно оружие, чтобы пальнуть из другого, тут торпедомет придется вешать обратно на каркас, снимать оттуда карабин, стрелять, потом вешать его обратно, а затем снова брать в руки торпедомет. На все эти рокировки времени могло и не хватить. Биотехи вообще не отличались медлительностью.

И тут до меня дошло, что Алекс, в общем-то, вовсе не далеко в тылу. При эффективной дальности боя карабина ТУК-15 в два с половиной километра, гарпун он мог послать на все три, даже с хвостиком. Напарник же находился позади меня примерно в полутора километрах.

Это означало возможность ведения огня гарпунами по фронту боевого охранения ракетной платформы.

Хоть какой-то вменяемой точности при этом добиться было невозможно, но она и не была нужна.

Перехватив торпедомет левой рукой, я набрал на коммуникаторе: «Пальни разок в сторону платформы. Сил нет ждать атаки».

В ответ пришло: «Ок. Градусов на пятнадцать правее тебя. Не попади под шпильку».

Алекс выдавал отличные показатели на тренировочных стрельбах, но все равно ожидание выстрела в свою сторону мало кого оставит равнодушным. Через несколько секунд, всего метрах в тридцати правее меня, пронзил воду скоростной гарпун. За ним остался тугой, быстро исчезающий след из пузырьков пара.

На голографической проекции прицела снаряд выглядел непрерывно удлиняющейся рубиновой трассой, ее оставлял активный маячок, которым мы для удобства оснастили все гарпуны.

Когда конец яркой стрелы оказался на половине расстояния между мной и боевым охранением ракетной платформы, биотехи наконец отреагировали. Меньше секунды ушло у них на оценку ситуации, после чего из первого кольца обороны вырвались две «Стрелки» и, ускораясь, бросились на перехват.

Оставшиеся твари принялись рассредоточиваться, чтобы максимально удалиться от возможного эпицентра взрыва. Тут-то и настал черед действовать мне.

Времени на раздумья не было. «Стрелки» сближались с гарпуном, одновременно удаляясь от основной стаи, которая тоже стремительно перегруппировывалась. По их левому флангу образовывалась брешь в кольце обороны, тогда как зеленые метки торпед на правом фланге сбивались в плотную тучу.

Я вскинул оружие, и выпустил первый снаряд. Его траектория тут же отобразилась на проекции васильковым точечным пунктиром. Я чуть сдвинул ствол влево, и траектория послушно искривилась в ту же сторону.

Такой простой и интуитивно понятный способ управления был очень удобен под водой, где затруднительно обращаться с ручками, рычагами и верньерами. Тем более в грубых перчатках, которые на размерчик больше, чем требовалось.

После выстрела отклонение оси гироскопа при перемещении оружия формировало сигнал управления снарядом. Нужный угол было легко отслеживать по прицелу и корректировать сколько понадобится.

Я еще отклонил ствол влево, целясь в самый центр гущи торпед. Они тут же бросились врассыпную, но я выпустил еще один снаряд, через несколько секунд после первого. Куда бы теперь твари ни двигались, у меня была возможность отследить место их наибольшей концентрации. Но как только они это поняли по изменяющейся траектории снаряда, тут же выдвинули пару «Стрелок» на его перехват. Понятно было, что перехватят. Поэтому я выстрелил еще раз. И тут же еще.

Первым перехватили гарпун Алекса. Хотя слово «перехватили» не совсем соответствовало ситуации. Скорее собирались перехватить. Но одна из «Стрелок» рванула слишком

загодя, чуть переоценив мощь своего заряда. Гарпун от этого не детонировал, а вот второй «Стрелке» досталось крепко.

Ее оглушило подводной ударной волной, и, потеряв ориентацию, она закрутилась в штопор, после чего взорвалась, не чувствуя цели, на удачу. В это время гарпун уже пересек ее траекторию и вышел на дистанцию поражения рассредоточивающихся биотехов.

От ударной волны он детонировал, взрывом зацепив две тяжелые торпеды. Те ахнули уже основательно, временно выведя часть стаи из строя. Оглушенные торпеды начали метаться, некоторые сдуру взрывались, заставляя сородичей спасаться бегством.

Первый из четырех моих снарядов перехватили на половине дистанции, так что весь толк от него оказался в уничтожении двух «Стрелок». Зато второй зацепил часть сгруппированного фланга и вызвал целую цепь детонаций.

Ударная волна зацепила и двух тварей, вышедших на перехват третьего снаряда, так что они, оглушенные, не среагировали вовремя. Снаряд прорвался внутрь боевого охранения, а дальше я уже скорректировал его траекторию так, чтобы угодить в самую гущу торпед.

Стало ясно, что четвертый снаряд останавливать будет попросту некому, так что им я тоже влепил точно в цель, но уже по другому флангу.

Оценив эффективность своего выступления, я передал Алексу по коммуникатору, чтобы он не жалел боеприпасов и молотил во все, что движется, кроме меня. Через несколько секунд, сначала справа, потом слева пронеслось штук пять гарпунов. Я не стал их дальше считать, мне надо было пользоваться ситуацией и закреплять успех.

Как-то раз Док заметил, что боевые столкновения с биотехами сильно напоминают плавание по бурной реке против течения. Сначала, пока у тебя полно сил, ты можешь довольно не слабо продвинуться в выбранном направлении. Но преимущество тварей состояло не только в разумности поведения, но и в численности. Причем численность, на мой взгляд, играла более важную роль.

Их можно было обмануть, даже подавить огневой мощью и скоростью, как мы делали, пока не погиб «Коча». Но, в конце концов, этот победный результат будет сведен к нулю. Это действительно похоже на попытку плыть против течения. Биотехов в океане не счесть, и сколько их ни бей с любой эффективностью, к месту боя будут подтягиваться новые и новые, пока у боевого пловца не кончатся боеприпасы.

Поэтому, как и в плавании против течения, необходимо было продвинуться как можно ближе к цели за как можно меньшее количество времени, а не радоваться числу убитых тварей.

Как говорил Борис, первые столкновения людей с биотехами были проиграны именно из-за непонимания этого факта. Морские пехотинцы с ними именно дрались. Дрались. А на них надо было просто охотиться. Делать вылазку, уничтожать, и как можно быстрее сматываться.

Тогда можно было получить шанс на вторую вылазку и угробить еще хотя бы парочку тварей. В этом и состояла суть нашей охоты.

Вот и сейчас мне надо было быстро и точно проверить действия по закреплению начального успеха. Покуда в обороне платформы удалось пробить брешь, то следовало теперь в эту брешь сунуться и самому, наконец. Иначе ради чего все? Так, перышки пощипать биотехам? Нет, нам необходимо было выполнить поставленную задачу.

Алекс, умница, вел неспешный, но вполне эффективный, огонь из гарпунного карабина, а я вновь набил стволы торпедомета, подровнялся по горизонту и продолжил скольжение вниз, к главной цели.

Теперь на меня реагировали только одиночные торпеды, тем или иным образом избежавшие оглушения в сумятице взрывов. Против них лучшим средством всегда оказывался гарпунный карабин. Док его и придумал в свое время именно для поражения одиночных

целей. Так что перезаряженный торпедомет я вернул обратно на каркас, а карабин снял и изготовил к стрельбе.

По радарным меткам на стекле шлема я четко видел все действия противника. Большая часть тварей с моей стороны пребывала в полностью небоеспособном состоянии из-за цепи детонации сородичей. Оставшиеся же в строю перестали тупо кидаться на все, что движется, а начали действовать более разумно.

Во-первых, они рассредоточились, чтобы исключить паразитные детонации.

Во-вторых, перестали реагировать на гарпуны, здраво сообразив, что если уж попадет, то все равно попадет и будет минус одна торпеда, а если не попадет, то потерь вовсе получится избежать.

Перехватывать же гарпуны было действительно не очень умно, хотя каждая стая, я заметил, начинала именно с этого, и только потом, приобретя опыт, начинала действовать более осмысленно и эффективно. Тут-то собственно и начинались сложности.

Теперь даже «Стрелки», существа по сути парные, не стали нападать привычным для них способом. После устроенной мной заварухи на перехват вышла только одна. Я тут же взял ее на прицел и пустил гарпун.

Она начала уворачиваться, я сместил ствол, искривляя траекторию гарпуна, но все равно мне не удалось ее зацепить. На самом деле большой беды в таком промахе не было, ведь чем короче дистанция до цели, тем больше шансов ее поразить, учитывая скорость гарпуна. Так что я решил подпустить торпеду поближе, а не тратить заряды попусту.

Я погружался по довольно крутой траектории на крыльях каркаса, но уже понял, что надо врубать водометы. Все больше ощущалась нехватка скорости. И как только химические движки толкнули меня в спину, атакующая «Стрелка» отреагировала, резко изменив траекторию.

Теперь она перла не на меня, а по более привычной для нее дуге эллипса. Она, таким образом, разрывала между нами дистанцию до момента непосредственной атаки. Ну и пусть. Стрелять на таком удалении я не собирался.

Плохо было лишь то, что такой маневр был для меня очень опасен, потому что теперь торпеда заходила с фланга, а это самое неудобное положение цели. Обогнать «Стрелку» невысказано, она под водой полных сорок узлов делает, а может и больше, если припрет.

А совсем плохо я себя ощутил, когда мне на лобовой перехват вышла «Сирена». Эти твари использовали ультразвук не только для ориентации, но и для эффективного поражения целей. У них морда представляла собой хрящевой рупор, через который мощными мышечными усилиями прогонялась вода. Причем с такой интенсивностью, что поток ультразвуковых колебаний с расстояния метров в сто мог нанести боевому пловцу серьезные повреждения вплоть до отслаивания всего кожного покрова. После такого не выживают, даже если человека целиком в магнитный регенератор засунуть.

Так что с «Сиренами» разговор всегда был особый. Они никогда не спешили взрываться, в результате чего стычка с такой тварью превращалась в короткий, но очень опасный огневой контакт. Точнее даже дуэль, но с явным преимуществом одного из противников.

Алекс продолжал стрелять, хотя ни о какой прицельности на такой дистанции речи не было. И все же он мне помогал. Именно его усилиями «Стрелка» была вынуждена то и дело чуть изменять траекторию движения, уворачиваясь от гарпунов, а это замедляло ее ход.

Я сложил стабилизаторы каркаса и начал отвесно падать в глубину. В этом был смысл, поскольку нам уже было известно, что вертикальные маневры «Стрелки» просчитывают хуже горизонтальных. Это дало мне еще небольшой выигрыш во времени, торпеда замедлилась, определяя для себя новую траекторию.

В какой-то момент я оказался почти точно под ней. Это был идеальный момент для выстрела. И я не промахнулся. Гарпун рванул метрах в трех от цели, вызвав ее детонацию.

Взрывом достало и чуткую «Сирену». Она хоть и не взорвалась, но рефлекторно отпрянула. Я выстрелил в нее, но она молниеносно рванула в сторону, так что я не успел скорректировать траекторию гарпуна. В результате он пронзил воду метрах в тридцати от торпеды. На таких удалениях детонатор попросту не срабатывал.

Я начал перезаряжать карабин, уже понимая, что не успею, а «Сирена» выровнялась и пальнула в меня ультразвуком. Слишком далеко, меня лишь пощекотало, но она тут же начала сокращать дистанцию, а у меня еще затвор карабина не встал на место.

На экране прицела со стороны Алекса прошли два гарпуна. Для такого удаления напарник стрелял прямо-таки мастерски, но все же мимо «Сирены». Каково же было мое удивление, когда третьим гарпуном он ее все же снял.

Меня тукнуло ударной волной, но не сильно, зато теперь путь к платформе фактически был расчищен. С моей стороны торпед в опасной близости не осталось, поэтому я сосредоточил внимание на минах.

Маневренность у них никакая, поэтому никакого смысла тратить на них торпеды не было. Я расправил стабилизаторы каркаса, чтобы продолжить сближение с платформой, и начал по одной отстреливать мины из карабина. Прямо как резиновых уточек в тире.

Постепенно до платформы расчистился прямой коридор. Я снова врубил водометы и попер вперед на максимально возможной скорости, на ходу приторочив карабин к каркасу и сняв торпедомет. Операция вступила в заключительную фазу. Точнее, в кульминационную.

«Сближайся со мной!» – отправил я Алексу сообщение.

Перехватив торпедомет, я взял на прицел платформу и разрядил его сразу весь. Шесть пусков секунды за три. А ведь достаточно одному снаряду достигнуть цели, и платформа обречена.

Не упуская времени я дал еще один залп, окончательно опустошив торпедный боезапас, затем отбросил бесполезное уже устройство и взял в руки карабин.

Двенадцать моих снарядов неслись вперед, точно к платформе. И разумные твари быстро поняли, что к чему. Отследив мой залп, они все, сколько их было, бросились на перехват, уже полностью меня игнорируя.

И я этого ждал. Все шло точно по плану. Теперь мне необходимо было расчистить моим снарядам путь. Сделать это можно было только с помощью карабина, поскольку его гарпуны пронизывают воду с огромной скоростью, с гораздо большей, чем скорость выпущенных из торпедомета торпед.

Сначала я сделал три выстрела с максимально возможной скоростью. Пока достаточно. Пора было переходить к завершающей части плана. К отступлению.

Врубив водометы, я устремился прочь от платформы, туда, где ждал меня Алекс с антигравитационным приводом. Включив изображение локатора, я смотрел, как гарпуны обогнали мой торпедный залп, не давая биотехам возможности атаковать главную для них цель. Гарпуны тоже мчались к платформе, и их тоже надо было останавливать.

И тварям приходилось взрываться раньше, чем они успевали перехватывать основные снаряды. Развернувшись, я выстрелил еще раз. Перезарядился, снова отступил, насколько успел, и снова выстрелил, стараясь направить гарпун точно по оси торпедного залпа. Тут подключился Алекс, и наша суммарная скорострельность значительно выросла.

Чтобы остановить мои торпеды и гарпуны, биотехи вынуждены были сгрудиться, оказавшись большим числом в малом объеме пространства. И при первом же попадании гарпуна в цель это вызвало цепь вторичных детонаций.

Твари оказались в действительно парадоксальной ситуации. С одной стороны инстинкт велел им рассредоточиться, с другой они не могли этого сделать, ведь им надо было

перехватывать скоростные цели, рвущиеся к платформе. Среди биотехов началась сумятица. Одни бросались на перехват, сталкиваясь между собой, попадая под гарпуны, взрываясь и заставляя взрываться сородичей, другие устремились прочь, перестав быть препятствием для залпа. Некоторые из них, влекомые заложенными в генах инстинктами, устремлялись обратно, но тут же попадали в общую свалку.

Это здорово походило на победу, но праздновать рано. Вот-вот должны прийти в себя после сумятицы «Стрелки». Стремительные мстители глубины.

Но пока этого не произошло, надо делать ноги. Все равно повлиять на ситуацию я больше не мог, поскольку дистанция между мной и платформой постоянно увеличивалась, что все больше затрудняло прицельную стрельбу из карабина.

Включив водометы, я рванул к Алексу. Он продолжал стрелять. Правильно делал. Ему-то отступать не надо, да и не на чем, а вот гарпуны, пусть и пущенные не прицельно, вносили в ряды биотехов дополнительную сумятицу.

Я мчался через черное, как нефть, пространство, прорезая себе путь тройным лучом налобного фонаря. Ощущение было странным, нечто средним между полетом и падением в бездну. Вестибулярный аппарат отказывался корректно работать в таких условиях.

Но я привык, а потому не столько сосредотачивался на переживаниях, сколько наблюдал за боем на экране локатора. «Стрелки» пришли в себя, разбились на четверки и начали атаковать мой торпедный залп со всех направлений по привычным для них дуговым траекториям. Вмешиваться уже поздно. Оставалось только уповать на удачу. На то, что хоть один из моих снарядов достигнет цели.

Первая четверка «Стрелок» рванула в авангарде моего залпа, выведя из строя первую торпеду, разметав сородичей и вызвав целую волну вторичных детонаций. Ударной волной зацепило вторую четверку биотехов, и она сдетонировала слишком далеко, вообще без всякого толка.

Третья четверка не успела, оказалась в арьергарде залпа, попыталась догнать его по линейной траектории, но когда начала отставать, взорвалась, выведя задний снаряд из строя.

Но оставшиеся десять моих смертоносных посланцев, постепенно растягиваясь по причине неодинаковой мощности двигателей, продолжали двигаться к цели.

Притаившаяся в последней линии обороны шестерка «Стрелок» отказалась от привычной парной тактики, атаковала растянувшийся залп по центру и успешно вышибла из него шесть снарядов. Почти сразу за ними взорвалась тяжелая ГАТ-26, сметя ударной волной две цели из авангарда залпа, но два оставшихся снаряда уже настолько приблизились к платформе, что тяжелые биотехи не могли взрываться без риска вызвать детонацию ракет в шахтах.

И тут среагировала платформа. Среагировала более чем разумно, выпустив из шахт все ракеты одна за другой. Но слишком поздно. Две моих торпеды с небольшим интервалом пробили плоть донной твари и взорвались в мышечно-хрящевой массе, проделав огромные раны и разорвав кровеносные сосуды.

Платформа была обречена. Даже одной торпеды достаточно для смертельного исхода. Рана такого размера вызывает быструю и неостановимую кровопотерю. А после двух попаданий платформа не проживет и двадцати минут.

Когда до Алекса оставалось метров триста, все боевое охранение поверженной платформы бросилось в нашу сторону. Не удивительно.

«Поспеш!» – пришло мне сообщение на коммуникатор.

Я усмехнулся. И рад бы быстрее, да некуда.

За пятьдесят метров до Алекса сдохли водометы, исчерпав заряд порошкового топлива, реагирующего с водой.

«Погружайся!», – отбил он мне на клавиатуре.

Молодец, что среагировал первым, мне не пришлось тратить время на возню с коммуникатором.

Действительно, Алексу без разницы на каком глубинном эшелоне меня встретить, а мне гораздо удобнее и быстрее соскользнуть вниз на стабилизаторах, чем барахтаться по прямой. Вот только ему погружаться будет не сладко. Со сферой антигравитационного привода, да еще без перчаток.

Вскоре я разглядел впереди фонарь Алекса, и через несколько секунд мы, наконец, встретились. Но последний этап операции еще надо было довести до конца, так что не было времени на выражение эмоций.

Я пристегнулся к антигравитационному приводу вместе с Алексом и сдвинул штангу управления подъемной силой. Нас потянуло вверх все быстрее и быстрее, а из океана мы вылетели как пробка из бутылки.

Я поспешил чуть вернуть штангу обратно, и мы зависли метрах в восьмистах над водой. В полной безопасности, поскольку торпеды нас достать точно теперь не могли, а других ракетных платформ поблизости не было. Они всегда росли на приличном расстоянии одна от другой.

Вот только ветер нас сносил не к берегу, а в океан. Если раньше нам это было на руку, то тут уж никак. Мы разгерметизировали шлемы, сразу же, как следует, прокашлялись и проплевались водой, но ее необходимо было выгнать ее из легких, иначе отека не миновать.

Теперь можно было говорить, но мы оба молчали. Никто не хотел первым задать главный вопрос.

– И что теперь делать? – взял я на себя эту трудную миссию.

Алекс не ответил. Затем улыбнулся и произнес:

– Здорово мы надрали тварюкам задницу! Просто высший класс.

– Ну вот... – я понял, что развивать поднятую мной тему не стоит. – Теперь тебя можно поздравить с первой Охотой.

– Вставляет! – еще шире улыбнулся напарник. – Вот это фан так фан. Круче, наверное, только на серфе среди океанских волн.

Вопрос спорный, но я не стал вступать в дебаты. На самом деле это было не просто круто, а на грани невозможного. Мы не только уничтожили уйму тварей во главе с платформой, но и оба остались живы при этом.

Прошло минут сорок. Дремавший в начале операции инстинкт самосохранения начал во мне просыпаться и бить тревогу. Мне становилось совсем не до шуток.

Мы уже почти час висели в воздухе без всякого контроля над ситуацией, и нас уносило все дальше от берега. И не было никакого намека на кардинальную смену направления ветра. И забрать нас отсюда было решительно некому.

Если нас еще пару часов так будет тащить, то рано или поздно мы окажемся в зоне действия следующей донной платформы. И она уж точно не упустит случая отомстить за сордича. Как правило, платформы располагались километрах в сорока друг от друга. Так что времени у нас оставалось не много.

Но как выкрутиться из столь щекотливой ситуации, у меня не было ровным счетом никаких идей. И тут мы услышали приглушенный штормом свист гравилетных турбин. Сначала я ушам не поверил, но этот звук ни с чем нельзя было спутать.

Алекс изумленно глянул на меня. Я пожал плечами. Гравилет, судя по звуку, двигался точно на нас.

– Ольга? – предположил напарник.

– И как она могла нас найти в тучах посреди океана? Не реально.

– Тогда это кандидат в нашу команду, – усмехнулся Алекс. – Только идиот вроде нас может так вот попросту летать над океаном. Да и не верю я в подобные совпадения. Вот так случайный летчик взял и наткнулся на двух безумных охотников, висящих в тучах посреди океана.

Тут я с Алексом был согласен. Вероятность этого была равна ноль целых, одна миллионная. Приблизительно.

Вскоре силуэт гравилета стало видно через клубящиеся тучи. А еще через минуту я различил на лобовом обтекателе знак муниципалитета.

– Охренеть... – произнес Алекс.

Гравилет приближался. За ручкой управления сидел Урман Синх собственной персоной. Если бы к нам ангел с небес спустился, я бы удивился куда в меньшей степени.

– Вот вам и канцелярская крыса, – выдавил я из себя.

Глава 3. Вне закона

Ветер не утихал, так что перебраться на борт гравилета стоило нам с Алексом последних сил. Урман помочь не мог, он боялся отпустить ручку управления, что неудивительно для неопытного пилота.

Оказавшись в отсеке, минут пять мы с напарником просто лежали на полу и тупо пялились в потолок. Гравилет взял курс к берегу.

– Платформе конец, – сообщил я нашему неожиданному спасителю.

– Это было понятно по сигналу маячка, – ответил Синх. – Может вы и считаете всех муниципалов придурками, но на столь простой анализ у меня хватило сообразительности. А что со вторым маячком, кстати?

– Утонул вместе с каркасом, – ответил я. – И с гравилетом в придачу.

Понятно, что канцелярская крыса не сунулась бы в опасную зону, не будь уверена в уничтожении ракетной платформы. Хотя, в любом случае, смелость для подобной спасательной операции требовалась неординарная. Несовместимая с моим представлением о смелости кабинетных работников муниципального сектора.

Но куда более странным было то, что Урману позволили взять гравилет. Неужели мэрию пронял наш подвиг? Получалось, что так... Это стоило всех затраченных усилий и трех лет ожидания.

– Спасибо, – запоздало поблагодарил я.

– Сочтемся, – скупое ответил Синх.

Через пятнадцать минут мы пересекли береговую черту километрах в десяти южнее базы. Оказывается, вдоль побережья нас снесло больше, чем я ожидал.

– Вас на базу? – спросил инспектор.

– Пожалуй, – ответил я. – Перед посещением мэрии надо хотя бы переодеться.

– Вас там не ждут, – огорошил нас Урман.

– В смысле? – удивился Алекс. – А гравилет? Они что, нас спасли, а видеть не хотят?

– Я его угнал, – без каких-либо эмоций произнес муниципальный работник.

– Что?! – выкрикнули мы с Алексом одновременно.

– Что слышали. Мне пришлось угнать гравилет, когда по сигналу маячка я понял, что вы дрейфуете над океаном. Никто в муниципалитете не санкционировал бы спасательную операцию.

Мы с напарником перебрались в кабину. Всего можно было ожидать, но только не такого поворота событий. Вот вам и канцелярская крыса!

Минут через пять, примерно на полпути к базе, я разглядел впереди пять гравилетов, идущих встречным курсом. Судя по силуэтам, это были тяжелые бронированные полицейские машины, какие используют в спецоперациях.

Мы с Алексом переглянулись. Хорошего от копов ждать нечего, встречаться с ними не хотелось совершенно, но сделать ноги на муниципальном тихоходе не выйдет точно. Через минуту нас взяли в «коробочку» и аккуратно прижали к земле.

Только мы сели, из гравилетов тут же высыпало десятка три спецназовцев, некоторые были даже в легких экзоскелетах, что говорило о серьезности их намерений. Точнее о готовности вступить в драку, если придется. Последним ступил на землю широкоплечий мужчина в штатском, на груди у него поблескивал полицейский значок.

– Инспектор Гэбриэл, – представился коп.

У него были густые черные волосы и откровенно латино-американская внешность. Один глаз Гэбриэл держал постоянно прищуренным, словно целился. Но я заподозрил, что

это не попытка казаться более грозным, а следствие старой травмы, поскольку на щеке виднелся длинный рубец шрама.

– Могу быть чем-то полезен? – спросил я.

– Можете, – без тени иронии кивнул полицейский. – В том случае, если без выкрутасов последуете за нами в полицейский участок.

– А можно узнать, на каком основании? – поинтересовался Алекс.

Гэбриэл усмехнулся и ледяным тоном пояснил:

– То, что я вами раньше не занимался, говорит только о том, что и без вашей шайки у меня дел было невпроворот. Или у вас есть сомнения в законности моих действий? А как насчет нарушения статьи триста сорок восьмой? Как минимум касательно части «а»?

Это была статья, предусматривающая уголовную ответственность за изучение биотехов. И ее нарушение грозило тремя годами тюрьмы. Это если брать только часть «а». А если дойдет до части «б», говорящей о контакте с фрагментами биотехнологических тел, то все семь могут впаять.

Весь город знал, чем мы занимаемся на базе. Но никто из законников не чесался. А тут на тебе... Но Гэбриэл быстро прояснил ситуацию.

– Пока вы сидели на базе, я мог смотреть на вашу деятельность сквозь пальцы. И то до тех пор, пока комиссия из метрополии не нагрнула бы. Но когда по вашей милости был угнан муниципальный гравилет... Тут уж извините. Всякому попустительству есть предел. И вы этот предел перешли. Так что будьте любезны ко мне в машину.

Аргументов для возражения у меня не нашлось. Говоря откровенно, я всегда побаивался подобного исхода. Но все же рассчитывал на здравомыслие чиновников. Все понимали, для чего мы делаем то, что делаем. А сегодня мы дали городу возможность расширяться в сторону океана. Причем мы не слабо рисковали, преподнося муниципалитету этот подарок. Так что могли бы они и спустить это дело на тормозах.

– А как насчет закона о крайней необходимости? – парировал Синх. Понятно, что он лучше нашего разбирался в законах. – Или уже отменили ответственность за бездействие в угрожающей жизни людей ситуации?

– Ответы на подобные вопросы за пределом моей компетенции, – спокойно ответил Гэбриэл. – Я представляю исполнительную власть. У меня предписание на арест, я его исполняю. А тонкости находятся в сфере деятельности суда.

Крыть было нечем, и мы умолкли. Из огня да в полымя, как говаривали мои предки. Но все же попасть в лапы полиции я пока склонен был считать меньшим злом, чем дрейфовать по ветру над океаном, кишачем биотехами.

С людьми можно хотя бы попытаться найти общий язык. С тварями же это в принципе невозможно. Хотя Альбинос, к примеру, думает иначе. Но так, как он, думали и создатели биотехнологических монстров. Что из этого вышло, то вышло. Хорошего мало. Хотя... Чаше всего уроки истории учат тому, что они ничему не учат. Или почти ничему. А так хочется, чтобы хоть иногда, хоть некоторые...

– У меня есть право на пользование коммуникатором? – спросил я.

– Конечно, – кивнул инспектор.

Я связался с Ольгой и сказал, что к обеду нас не будет. И к ужину скорее всего тоже. Да и вообще нас арестовали и доставляют в участок. Она порывалась приехать, но я ей объяснил, что это без надобности. В любом случае решить проблему она не могла.

Главное полицейское управление располагалось неподалеку от мэрии, в самом центре, на набережной возле старой заброшенной пристани, у которой до войны швартовались океанские круизные лайнеры.

Меня, Алекса и Урмана заперли в одной камере, предварительно разоружив. Гидрокостюмы тоже конфисковали, так что остались мы с напарником в одних плавках. Воняло

в камере жутко, не многим слаще, чем в общественной уборной ночного клуба вблизи окраины.

Из обстановки имелись только нары и параша. Дверь была целиком из проклепанного железа, с небольшим откидным окошком на уровне лица. Чуть большее окошко, устроенное в толстенной стене, выходило наружу. В него и так котенок с трудом бы пролез, так оно еще и решеткой было забрано.

– Кажется, отоспаться нам никто не помешает, – сказал Алекс, забираясь на верхние нары.

Я тоже улегся. Урман с хмурым выражением лица уселся на край свободной заправленной постели.

Говорить не хотелось. Я отвернулся лицом к стене и стал размышлять, что делать дальше. Как ни крути, а ситуация была хуже некуда. И если наш спаситель еще мог отделаться легким испугом и увольнением из муниципалитета без права восстановления, то нам с Алексом срок могли впать как нечего делать.

Вообще-то власти к нам никогда пылкой любви не питали, а тут подвернулся повод, удобный во всех отношениях. Хорошо еще Ольгу не загребли под шумок.

Чем больше я думал о создавшемся положении, тем сильнее расстраивался. Если сначала арест казался каким-то дурным наваждением, то теперь жесткие нары все сильнее убеждали меня в реальности происходящего. И постепенно, тихо, на кошачьих лапках ко мне начал подкрадываться ужас.

Ведь этот арест, по большому счету, означал конец так и не начавшейся операции «Караван». Даже полтора года заключения могли истрепать нас настолько, что ни о каких операциях думать не захочется. И ни о каком спасении человечества.

А могли вкатить и три года. И семь, если пойдут на принцип. Год я уже отсидел в тюрьме по молодости, когда взяли банду Грека, так что иллюзий у меня не было никаких.

Мне было неудобно и на правом боку, и на левом. И на спине неудобно, и на животе. Алекс спокойно храпел, а я ворочался, не смотря на усталость, затем встал и принялся мерить камеру шагами.

– Сядь, а? – попросил Урман. – Без твоего мельтешения тошно.

Я послушно уселся. Все же этот бюрократ угодил в камеру, спасая наши шкуры. Лаяться с ним не хотелось совершенно. Внезапно усталость навалилась на меня новой волной. Я лег и почти моментально провалился в сон.

Проснулся я от того, что кто-то крепко теребил меня за плечо. Разлепив глаза я различил в темноте силуэт Алекса.

– Хватит дрыхнуть, – прошептал он. – Не на курорте.

В узком окошке виднелось черное небо с одинокой звездой почти в центре видимого пространства. Судя по отсветам, взошла луна. Урман спал.

– Чего надо? – пробурчал я.

– Ты тут жить собрался? – с усмешкой поинтересовался напарник.

– Нет, стены лбом прошибать... Есть идеи?

– Пока нет. Но ты, я гляжу, скис.

– Без повода, хочешь сказать?

– Повод поводу рознь. Первый раз в кутузке, что ли?

– А ты?

– Я не первый, – сказал Алекс с гордостью.

– Ну и я бывал. Что с того? Лучше тут с тех пор не стало.

– Это понятно. Ну так о чем думаешь?

– А... – Я вяло отмахнулся. – Рассчитывал на поддержку муниципалитета. Без нее ни о какой операции «Караван» и речи быть не может. Ладно бы еще без поддержки, к этому не привыкать. Но вне закона, это уже перебор.

– А я говорил, что бесполезно их в задницу целовать.

– Да я смотрю, что все бесполезно. Целуй, не целуй...

– Это ты скис, – уверенно заявил Алекс. – Неужели думаешь, что мы отсюда не свинтим? Ну, не из камеры, я понимаю... Но может подвернуться шанс. А если киснуть, гарантированно нужный момент прощелкаешь.

– Даже если сбежим, что с того? Смысл в чем? Так может по суду еще и замнут дело. Пострадают и успокоятся. А если рвануть отсюда, вариантов уже не будет. Всю оставшуюся жизнь придется по норам ныкаться.

– Резонно. Ладно, ты капитан, ты и рули. Годится?

– Годится. Мне кажется, что до суда надо мышами прикинуться. Белыми и пушистыми. Может и обойдется. А если нет, то валить отсюда надо уже после оглашения приговора. К тому же, сам знаешь, на этапах оно легче, чем через такое окошко. И Ольга на свободе. Наши, из моей бывшей команды, все живут в городе. И Борис, и Катя, и Док. Так-то мы вроде расстались, но если до них дойдет, что меня по этапу пустили, то могут и подсобить. В теории.

– Вот таким ты мне больше нравишься. – Алекс широко улыбнулся, показав в темноте белые зубы.

– Иди ты... – вяло ругнулся я. – Жрать охота.

– Это тоже хороший знак.

– Никакой это не знак. Химия отходит, после нее всегда пробивает на аппетит.

– А...

– Ладно, поболтали и хватит. – Я решил закончить разговор. – Сейчас все равно ничего не решим. Точнее уже решили.

– Что именно?

– Что при первой же возможности охранникам по башке не даем, а ждем суда. Все, отбой на корабле.

Утром к нам пожаловал адвокат. Бесплатный, от муниципалитета. Я его послал сразу и без малейших угрызений совести.

Не настолько плохи наши финансовые дела, чтобы Ольга не наняла более или менее серьезного профессионала, заинтересованного в результате. Даже странно, что он не опередил муниципала. Ладно, в нашем положении ожидание является состоянием нормальным.

Я объяснил свои соображения Алексу. Он согласился. Урман тоже меня поддержал. Цену муниципальным работникам он знал лучше нашего.

Ближе к обеду я предпринял несколько попыток поскандальить и истребовать возможность связаться с Ольгой. Попытки успехом не увенчались. Охранник объяснил через окошко в двери, что это далеко за пределами его компетенции, а кому положено решать такие вопросы, тот их и решит, когда настанет черед.

После обеда нас вывели на прогулку во двор. Двор был небольшим, обнесенным глухой высокой стеной с противопехотными «капканами» по всему периметру и со спиралями «егозы» в три ряда.

Заклоченных оказалось не много. Да, в принципе, много их быть и не должно, это же пункт временного содержания, а не тюрьма. По всей видимости, суда долго ждать не придется.

Никакого намека на ворота во дворе не было, войти или выйти можно было только через трехэтажный блок с камерами временного содержания, одну из которых занимали мы.

К вечеру я начал всерьез беспокоиться насчет Ольги, о чем сообщил Алексу.

Ну что за дела? Мы тут больше суток, а от нее вообще никаких вестей. На самом деле вариант я видел только один. Возможно, ее тоже замели, но держат в левом камерном блоке, в женском.

Алекс посоветовал мне не пороть горячку. По его мнению, Ольга могла заниматься более практичными делами, чем хлопотать о свидании. Например, она могла попытаться связаться с Доком. В теории это было возможным, но я сомневался.

Надо знать Ольгу. Слова она всегда ставила выше дела, и ей проще было приободрить нас весточкой, чем сразу предпринимать практические усилия. Прежде чем начать действовать, ей надо было все обдумать, а еще лучше посоветоваться и обсудить все.

Ночью я спал отвратительно.

Утром нас навестил комиссар Гэбриэл. Я потребовал связи. Он позволил. Коммуникатор Ольги на вызов не реагировал. Или выключен был, или поврежден, или находился вдали от вышки.

Это меня окончательно выбило из колеи. Комиссар сообщил, что до суда нас переведут в тюремную зону «А-21». Это уже не камеры временного содержания. Это уже тюрьма. И действуют там тюремные законы, точнее понятия.

Заново вспоминать их тонкости мне совершенно не хотелось. Создалось впечатление, что в задачу инспектора входило нас деморализовать. Зачем, не понятно. Но у него получилось. Даже Алекс скис, хотя и продолжал напускать на себя бравый вид.

Мы все обросли щетиной.

После обеда, вместо прогулки, нас отконвоировали на первый этаж и заперли в клетке с еще двумя зэками. Готовили к этапированию.

Один из зэков, лысый, с татуировками в виде змей на руках, оценивающе поглядывал на Урмана и улыбался.

У бывшего муниципала сдали нервы. Я видел, что он едва сдерживает слезы. С нами он эти дни почти не общался.

Я сказал зэку, чтобы он расслабился. Лысый начал быковать. Мы с Алексом ему навалили, причем не без удовольствия, я себя на этом поймал.

Но не успел я расстроиться по поводу возросшей в моей неокрепшей душе агрессии, как в клетку ворвались конвоиры и отоварили нас с применением электрошокеров.

Лысого унесли. Это хорошо, а то бы он до вечера так и валялся бы. Урман чуть приободрился. До него начало доходить, что мы его без защиты не оставим.

– Они от нас определенно чего-то хотят, – сказал я Алексу, когда мы отошли от электрошока. – Как-то все жестко.

– Похоже на то, – согласился напарник. – Думаешь, Гэбриэл устраивает нам спектакль?

– Вполне возможно. Может и не будет никакого суда. Хочет попугать, морально подавить и отпустить. Чтобы мы оставили свои затеи и устроились на работу грузчиками.

– Тогда он не слишком умен, раз на это рассчитывает.

– Полицейские умом редко когда отличаются. – Я пожал плечами. – Но на полного придурка инспектор не похож. Скорее он уверен в своих силах. И пока наблюдает, приценивается, с какой силой на нас надо надавить, и на какое конкретно место, чтобы получить желаемый результат. Слабое место Урмана уже проступило. Если и дальше будет его изнасилованием пугать, значит, моя теория верна.

– Тогда бы я на его месте нас разделил, – прикинул Алекс.

– А вот и нет. Если нас разделить, мы начнем выживать. А выживание мобилизует. Пока мы в куче, на нас можно воздействовать, а если разделить, то озвереем, и фиг нас проймешь. Инспектора именно мы с тобой интересуем, Урман ему до лампочки. Воздействие на него имеет смысл только пока мы его наблюдаем.

– Резонно, – согласился напарник.

Это заключение Синха еще больше приободрило. Представляю, насколько он не хотел бы лишиться нашей поддержки.

Через час прибыл броневик для этапирования, и нас впятером погрузили на него. Лысого в санчасти обклеили пластырем, он теперь выглядел куда менее грозно. Следом, во второй отсек, отделенный от нас решеткой, забрались четверо конвойных.

Проходя мимо лысого, чтобы устроиться на лавке, я как следует наступил ему на ногу. Зэк резко обернулся ко мне и получил от Алекса локтем по почке.

Все прошло мило, по-свойски, без ругани. Конвойные ничего не заметили.

– На ночь рекомендую задницу хорошенько намылить, – прошептал я лысому на ухо. – Чтобы без травм.

– Чего вы ко мне пристали? – недовольно спросил лысый. – Я вас трогал?

– Ты же на Урмана так поглядывал, словно мужчину хочешь. Будет тебе сегодня мужчина.

– Да я вообще не по тем делам! – нервно прошептал лысый. – Меня Гэбриэл, собака, подговорил на вашего пялиться. Обещал в прачечную устроить, а не в каменоломню.

Я подмигнул Алексу. Напарник кивнул. Мы оба потеряли к лысому интерес.

История становилась интереснее и перспективнее, чем казалась поначалу. Властям от нас что-то было нужно. Наиболее вероятным вариантом казалось, что они хотели чтобы мы перестали отсвечивать. Но были и другие соображения на этот счет.

Например, они могли хотеть заставить нас бесплатно делать то, что мы собирались делать за муниципальные деньги. А это уже можно было использовать в нужных нам целях. У меня поднялось настроение. Алекс тоже повеселел.

В зоне нас тоже поселили вместе, в четвертом бараке. Вместе с нашими там располагалось пятьдесят двухъярусных коек. Нам выделили самые крайние места, дальние от входа. Мы с Урманом заняли два яруса одной койки, я снизу. Алекс рядом, тоже на нижней. Наверх он загнал лысого. Пятого зэка разместили в другом бараке.

До ужина нас всех выгнали в общий двор, огражденный пулеметными вышками и колючей проволокой. Народу было человек четыреста, может чуть меньше. Судя по номерам на робах, все осужденные, после суда. Мы же тут были белыми воронами. Робы нам тоже выдали, но без номеров, ясное дело. Вообще это было незаконно, но жаловаться некуда. Оставалось только одно – ждать развития ситуации.

За неделю мы пообвыклись. Даже Урман. От Ольги по-прежнему не было известий, но теперь это было понятно, она не знала где мы. И вряд ли кто-то дал бы ей нужную информацию.

Мы с Алексом изучали зону. И когда работали на каменоломне, и когда сидели во дворе с остальными. Хотя изучать особо было нечего. Зона «А-21» располагалась на отрогах горного хребта, идущего с юга на север. Кроме забора и пулеметных вышек нас охраняла протяженная болотистая местность, открытая на километры. Ни единого деревца до самого горизонта.

В общем, побег своими силами представлялся мне мало возможным. Единственный шансом виделся штурм пулеметной вышки, а лучше сразу двух. Тогда можно подавить огнем остальные, а дальше зэки так рванут на волю, что сметут ограждение, даже если оно под током.

Но это мы с Алексом решили оставить на крайний случай. Все же такой штурм был делом довольно рискованным.

Меня интересовало, когда у Гэбриэла иссякнет терпение нас прессовать, когда он предъявит требования? Или обвинения. Или отпустит, что тоже могло быть вполне вероятным.

Один раз к Урману пристали настоящие гомики, а не подсадные, вроде лысого. Их было пятеро, сплоченная банда. И очень уверенная в своих силах. В зоне их боялись, потому что у двоих даже были заточки.

После стычки Алекс хотел припрятать одну из трофейных игрушек, но я велел оставить ее рядом с телом владельца. Это нападение могло быть чистой провокацией, а необходимости отягощать себя железом у нас пока не было.

Сами мы никого не трогали, да и нас после этой стычки не задирали. Повода мы не давали, а без повода желающих не было.

Вообще с заточками нам повезло, если бы не они, на нас легко бы повесили два трупа и трех покалеченных. А так мы официально были жертвами вооруженного нападения. Причем, группового. Не подкопаешься ни под каким видом. Даже при откровенном пристрастии.

На работу нас не возили, потому что каменоломня была прямо в зоне, внутри периметра. Утром бегом туда, вечером бегом обратно. Камень грузили на самосвалы вручную, затем вывозили в сторону города на композитный завод.

Мне работа нравилась, Алексу тоже. По крайней мере это был прекрасный способ не терять физическую форму, потому что никаких спортивных снарядов в зоне не было.

У Синха же ручной труд восторгов не вызывал. Плохо он был подготовлен физически, это факт. Сам бы он норму не мог выполнять, и получал бы урезанную пайку. Но нам с Алексом не в обузу было помахать киркой чуть активнее, чем требовалось, и мы вдвоем нарубили три полных нормы каждый день. Так что к нам троим со стороны администрации не было ни малейших претензий.

Правда, совсем лодырничать мы Урману не давали. Я показал ему несколько упражнений с киркой, как ей бить правильно, чтобы развивать разные группы мышц. Уж кому-кому, а бывшему кабинетнику лишняя мышечная масса никак не грозила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.